Ч 38/496

Ц 38/496

Cn
8516

841.7.9
С.46

Ученическая библіотека.

И 38/496

И. С. Тургеневъ.

(БІОГРАФІЯ И РАЗБОРЪ ЕГО ГЛАВНѢЙШИХЪ ПРОИЗВЕДЕНІЙ).

Пособіе для учениковъ старшихъ классовъ гимназій и реальныхъ училищъ.

338.

СОСТАВИЛЪ
А. Н. Сальниковъ.

ПОЛИВАНОВСКОЙ УЧИТЕЛЬСКОЙ
Инвентарь № 1597
Отдѣлъ III
№ 3а
УЧЕНИЧЕСКАЯ БИБЛІО
ИНВЕНТАРЬ № 1599
III, 3а 105.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія В. Я. Мильштейна, Нижегородская ул., № 14.
1908.

Всесоюзная
БИБЛИОТЕКА
имени
В. И. ЛЕНИНА
ф/10960-43.

Предисловіе.

Предлагаемое пособіе представляетъ собою «избранныя страницы русскихъ критиковъ», указанныхъ въ циркулярѣ г. Министра Народнаго Просвѣщенія отъ 4-го ноября 1903 г., за № 34203 *), и составляетъ *вновь переработанное извлеченіе* изъ книги моей «Русская литература послѣ Гоголя», допущенной Ученымъ Комитетомъ въ качествѣ учебнаго пособія для среднихъ учебныхъ заведеній.

А. Н. Сальниковъ.

---

*) «О мѣрахъ къ расширенію курса русской словесности въ выпускныхъ классахъ гимназій и реальныхъ училищъ.

Иванъ Сергѣевичъ Тургеневъ.

(1818—1883).

Иванъ Сергѣевичъ Тургеневъ родился 28 октября 1818 года, въ Орлѣ, въ старинной дворянской семьѣ. Изъ числа историческихъ лицъ, принадлежащихъ къ его фамиліи, особенно замѣчательны двое: Петръ Тургеневъ, который обличилъ Лже-Димитрія, и за это обличеніе былъ въ тотъ же день казненъ на Лобномъ мѣстѣ, въ Москвѣ, и Яковъ Тургеневъ, извѣстный шутъ Петра Великаго, которому въ новый 1700 годъ пришлось обрѣзывать ножницами бороды бояръ.

Отецъ Ивана Сергѣевича, Сергѣй Николаевичъ Тургеневъ, служилъ въ Елисаветградскомъ кирасирскомъ полку, который квартировалъ тогда въ Орлѣ, и тамъ же женился на Варварѣ Петровнѣ Лутовиновой.

Семейство Тургеневыхъ поселилось въ родовомъ своемъ имѣніи, Мценскаго уѣзда, Орловской губ. Тутъ пятилѣтній Иванъ Сергѣевичъ былъ окруженъ учителями и воспитателями различныхъ націй; но въ числѣ его учителей и воспитателей не было ни одного русскаго. Первое знакомство съ русскими книгами и русской поэзіей пришло къ нему прямо изъ народа: крѣпостной человѣкъ матери Ивана Сергѣевича, страстный чтецъ и поклонникъ Хераскова, ознакомилъ своего барича съ «Россіядой», которая и была одною изъ первыхъ русскихъ книгъ, прочтенныхъ Иваномъ Сергѣевичемъ.

Въ 1828 году родители Тургенева переселились въ Москву, и въ 1834 году Иванъ Сергѣевичъ поступилъ въ Московскій университетъ; но пробылъ здѣсь не долго, и на слѣдующій же годъ перешелъ въ Петербургскій, гдѣ и окончилъ курсъ по филологическому факультету, кандидатомъ.

Первые литературные опыты были однакоже сдѣланы Тургеневымъ ранѣе окончанія курса, и попали въ печать черезъ посредство П. А. Плетнева, который сумѣлъ отличить будущаго писателя въ толпѣ его товарищей. Вотъ какъ самъ Тургеневъ разсказываетъ объ этомъ въ своихъ «Воспоминаніяхъ». «Въ началѣ 1837 года, я, будучи третьекурснымъ студентомъ С.-Петербургскаго университета, представилъ на разсмотрѣніе профессора русской словесности, П. А. Плетнева, одинъ изъ первыхъ плодовъ моей музы—какъ говорилось въ старину,—фантастическую драму въ пятистопныхъ ямбахъ, подъ заглавіемъ «Стеніо». Въ одну изъ слѣдующихъ лекцій, П. А., не называя меня по имени, разобралъ, съ обычнымъ своимъ благодушіемъ, это совершенно нелѣпое произведеніе, въ которомъ, съ дѣтской неумѣлостью, выражалось рабское подражаніе Байроновскому «Манфреду». Выходя изъ зданія университета и увидѣвъ меня на улицѣ, онъ подозвалъ меня къ себѣ и отечески пожурилъ, причемъ однако замѣтилъ, что во мнѣ «что-то есть». Эти два слова возбудили во мнѣ смѣлость отнести къ нему нѣсколько стихотвореній; онъ выбралъ изъ нихъ два, и, годъ спустя, напечаталъ ихъ въ «Современникѣ», который унаслѣдовалъ отъ Пушкина. Заглавія второго не помню; но въ первомъ воспѣвался «Старый Дубъ», и начиналось оно такъ:

Маститый царь лѣсовъ кудрявой головою,
Склонился старый дубъ надъ сонной гладью водъ
и т. д.

По окончаніи курса въ С.-Петербургскомъ университетѣ, весною 1838 г., Тургеневъ отправился «доучиваться» въ Берлинъ. «Мнѣ было всего 19 лѣтъ»,—разсказываетъ онъ въ своихъ «Воспоминаніяхъ»—«объ этой поѣздкѣ я мечталъ давно. Я былъ убѣжденъ, что источникъ настоящаго знанія находится заграницей. Изъ числа тогдашнихъ преподавателей С.-Петербургскаго университета не было ни одного, который бы могъ поколебать во мнѣ это убѣжденіе; впрочемъ они сами были имъ проникнуты; его придерживалось и министерство, во главѣ котораго стоялъ графъ Уваровъ, посылавшій на свой счетъ молодыхъ людей въ нѣмецкіе университеты. Въ Берлинѣ я пробылъ (въ два пріѣзда) около двухъ лѣтъ. Я занимался философіей, древними языками, исторіей, и съ особеннымъ рвеніемъ изучалъ Гегеля подъ руководствомъ профессора Вердера. Въ доказательство того, какъ недостаточно было образованіе, получаемое въ то время въ нашихъ высшихъ заведеніяхъ, приведу слѣдующій фактъ: я слушалъ въ Берлинѣ латинскія древности у Цумпта, исторію греческой литературы у Бёка, а на дому принужденъ былъ зубрить латинскую грамматику и греческую, которыя зналъ плохо. А я былъ не изъ худшихъ кандидатовъ».

Сообщая эти подробности о своемъ пребываніи въ Берлинѣ, Тургеневъ въ то же время даетъ возможность заглянуть очень глубоко въ его тогдашнее нравственное настроеніе, указываетъ на результаты, вынесенные имъ изъ пребыванія заграницей, и на тотъ путь, которымъ сложились убѣжденія, руководившія въ теченіе всей жизни его литературною и общественною дѣятельностью.

«Стремленіе молодыхъ людей—моихъ сверстниковъ—заграницу (замѣчаетъ Тургеневъ въ «Воспоминаніяхъ») напоминало исканіе славянами начальниковъ у заморскихъ варяговъ. Могу сказать о себѣ, что лично я весьма ясно

сознавалъ всѣ невыгоды подобнаго отторженія отъ родной почвы, подобнаго насильственнаго перерыва всѣхъ связей и нитей, прикрѣпляющихъ меня къ тому быту, среди котораго я выросъ... но дѣлать было нечего. Тотъ бытъ, та среда, и особенно та полоса ея, если можно такъ выразиться, къ которой я принадлежалъ—полоса помѣщичья, крѣпостная,—не представляли ничего такого, что могло бы удержать меня. Напротивъ: почти все, что я видѣлъ вокругъ себя, возбуждало во мнѣ чувства смущенія, негодованія, отвращенія, наконецъ. Долго колебаться я не могъ. Надобно было либо покориться и смиренно побрести общей колеей, по избитой дорогѣ, либо отвергнуть разомъ, оттолкнуть отъ себя «всѣхъ и вся», даже рискуя потерять многое, что было дорого и близко моему сердцу. Я такъ и сдѣлалъ... Я бросился внизъ головою въ «Нѣмецкое море», долженствовавшее очистить и возродить меня, и когда я, наконецъ, вынырнулъ изъ его волнъ—я очутился «западникомъ», и остался имъ навсегда.

Изъ-заграницы Тургеневъ вернулся въ 1841 г. не прямо въ Петербургъ, а сперва въ Москву, гдѣ жила его мать. Начало его литературнаго поприща неразрывно связано съ именемъ Бѣлинскаго, какъ и все то, что сколько-нибудь выходило изъ общаго литературнаго уровня, въ періодъ дѣятельности этого замѣчательнаго критика.

«Около Пасхи 1843 года»,—пишетъ Тургеневъ въ своихъ «Воспоминаніяхъ»,—«въ Петербургѣ произошло событіе, и само по себѣ крайне незначительное, и давнымъ давно поглощенное общимъ забвеніемъ. А именно: появилась небольшая поэма нѣкоего Т. Л., подъ названіемъ «Параша».—Этотъ Т. Л. былъ я; этой поэмой я вступилъ на литературное поприще»... «Въ день отъѣзда изъ Петербурга въ деревню я сходилъ къ Бѣлинскому (я зналъ, гдѣ онъ жилъ, но не посѣщалъ его, и всего два раза встрѣтился съ нимъ у знакомыхъ), и,

не назвавшись, оставилъ его человѣку одинъ экземпляръ. Въ деревнѣ я пробылъ около двухъ мѣсяцевъ и, получивъ майскую книжку «Отечественныхъ Записокъ», прочелъ въ ней длинную статью Бѣлинскаго о моей поэмѣ. Онъ такъ благосклонно отозвался обо мнѣ, такъ горячо хвалилъ меня, что, помнится, я почувствовалъ больше смущенія, чѣмъ радости. Я не «могъ повѣрить», и когда, въ Москвѣ, покойный И. В. Кирѣевскій подошелъ ко мнѣ съ поздравленіями, я поспѣшилъ отказаться отъ своего дѣтища, утверждая, что сочинитель «Параши» не я. Возвратившись въ Петербургъ, я, разумѣется, отправился къ Бѣлинскому, и знакомство наше началось»...

Послѣ перваго привѣтствія, сдѣланнаго моей литературной дѣятельности, Бѣлинскій весьма скоро—и совершенно справедливо—охладѣлъ къ ней: не могъ же онъ поощрять меня въ сочиненіи тѣхъ стихотвореній и поэмъ, которымъ я тогда предавался. Впрочемъ, я скоро догадался самъ, что не предстояло никакой надобности продолжать подобныя упражненія — и возъимѣлъ твердое намѣреніе вовсе оставить литературу. Только вслѣдствіе просьбы И. И. Панаева, не имѣвшаго чѣмъ наполнить отдѣлъ смѣси въ 1-мъ номерѣ «Современника», я оставилъ ему (уѣзжая въ концѣ 1846 года изъ Петербурга) очеркъ, озаглавленный «Хорь и Калинычъ». (Слова изъ «Записокъ охотника» были придуманы и прибавлены тѣмъ же И. И. Панаевымъ, съ цѣлью расположить читателя къ снисхожденію). Успѣхъ этого очерка *) побудилъ меня написать другіе; и я возвратился къ литературѣ.»

«Записки охотника» и нѣкоторая часть мелкихъ повѣстей и разсказовъ Тургенева, написанныхъ между 1844—1850 гг., вскорѣ доставили ему громкую лите-

*) Бѣлинскій, въ одномъ изъ своихъ писемъ къ Тургеневу, писалъ ему: «Хорь обѣщаетъ въ васъ замѣчательнаго писателя въ будущемъ».

ратурную извѣстность, которая однакоже не могла примирить его съ Россіею конца 40-хъ годовъ: ему жилось въ ней такъ тяжело и грустно, что въ 1848 году онъ совсѣмъ было рѣшился оставить Россію и остаться навсегда заграницей. Грустное чувство, которое имъ невольно овладѣло при мысли объ этомъ рѣшеніи, отразилось и на большей части «Записокъ охотника» (написанныхъ заграницей, преимущественно въ Парижѣ):— особенно замѣтно это настроеніе въ описаніяхъ и картинахъ природы, которую Тургеневъ не полагалъ увидѣть болѣе. Самъ Тургеневъ замѣчаетъ въ своихъ «Воспоминаніяхъ», что, конечно, не написалъ бы «Записокъ охотника» если бы остался въ Россіи, и въ этомъ ощущеніи своемъ замѣчательно сходится съ Гоголемъ, который почти въ то же время писалъ свои лучшія страницы о Россіи «изъ прекраснаго далека».

Въ самомъ началѣ 50-хъ годовъ, слѣдовательно около того времени, когда талантъ Тургенева успѣлъ уже вполнѣ развиться и окрѣпнуть, а литературная извѣстность его упрочиться,—ему пришлось, какъ Пушкину, провести два года въ деревенскомъ уединеніи, которое, по его собственному сознанію, принесло ему свою долю пользы. Поводомъ къ удаленію въ деревню была статья, написанная Тургеневымъ тотчасъ по полученіи извѣстія о смерти Гоголя. Статья эта, не пропущенная петербургской цензурой, была пропущена московской, и появилась въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» (въ мартѣ 1852 г.). Обстоятельства сложились такъ неудачно, что этотъ случайный фактъ былъ истолкованъ «какъ нарушеніе цензурныхъ правилъ и ослушаніе имъ»—и Тургеневъ «посаженъ на мѣсяцъ подъ арестъ въ части, а потомъ отправленъ на жительство въ деревню, гдѣ и пробылъ два года». «Но все къ лучшему»,—замѣчаетъ Иванъ Сергѣевичъ въ своихъ «Воспоминаніяхъ»:—«пре-

бываніе подъ арестомъ и въ деревнѣ принесло мнѣ несомнѣнную пользу—оно сблизило меня съ такими сторонами русскаго быта, которыя при обыкновенномъ ходѣ вещей, вѣроятно, ускользнули бы отъ моего вниманія».

И дѣйствительно, уединеніе придало еще больше зрѣлости и силы таланту Тургенева. Съ половины 50-хъ годовъ и до половины 60-хъ имъ были написаны лучшія его произведенія—«Рудинъ» (1855), «Дворянское гнѣздо» (1858) и «Отцы и дѣти» (1862). Мастерски набросанные и художественно воспроизведенные типы мечтателя Рудина, Лизы и Елены доставили Тургеневу такое положеніе въ средѣ нашихъ писателей, какого немногимъ до него удавалось достичь. (*П. Полевой.* «Исторія русской литературы въ очеркахъ и біографіяхъ». Ч. II. СПБ., 1890 г.).

Послѣднія двадцать лѣтъ жизни Тургеневъ провелъ преимущественно заграницей, но почти ежегодно бывалъ въ Россіи, проживая каждый разъ по нѣсколько мѣсяцевъ то въ Петербургѣ, то въ Москвѣ, то въ своемъ орловскомъ имѣніи — селѣ Спасскомъ-Лутовиновѣ. Въ одинъ изъ послѣднихъ его пріѣздовъ въ Россію ему былъ устроенъ цѣлый рядъ торжественныхъ овацій, какія не выпадали еще на долю ни одному изъ русскихъ писателей. Общество Любителей Россійской Словесности, состоящее при Московскомъ университетѣ, почтило Ивана Сергѣевича особенно выдающимся празднествомъ, въ которомъ приняла участіе вся интеллигенція древней русской столицы.

По возвращеніи въ Парижъ, Тургеневъ заболѣлъ и, прохворавъ почти два года, скончался въ мѣстечкѣ Буживалѣ, близъ Парижа, 23-го августа 1883 г. Тѣло его было перевезено въ Петербургъ и 27-го сентября похоронено съ большими почестями на Волковомъ кладбищѣ, около Ново-Волковской церкви. (*А. Сальниковъ.*

(«Русскіе поэты за сто лѣтъ» съ Пушкинской эпохи до нашихъ дней) въ портретахъ, біографіяхъ и образцахъ». Сборникъ лучшихъ лирическихъ произведеній русской поэзіи *). СПБ., 1901 г.).

«Записки охотника».

„Записки охотника"—классическая книга нашей народнической литературы.—Отношеніе автора къ предмету.

«Записки охотника»—въ полномъ смыслѣ классическая книга нашей народнической литературы. И здѣсь не столько важна талантливость разсказчика, сколько его отношеніе къ предмету. Тургеневъ показалъ, что крѣпостные мужики не только люди, но что имъ доступны такіе же сложные душевные процессы, такая же многосторонняя нравственная жизнь, какъ и всѣмъ лучшимъ представителямъ культурнаго общества. Раньше еще, въ XVIII вѣкѣ, Радищевъ и Новиковъ не мало говорили о простой и доброй душѣ русскаго человѣка, о его природномъ умѣ, о его терпимости и гуманности, но никто не умѣлъ ввести своихъ читателей и слушателей въ самыя нѣдра этой души, поставить невѣрующихъ лицомъ къ лицу съ мужицкимъ духовнымъ міромъ и заставить увидѣть здѣсь всѣ признаки истинно-человѣческой и притомъ богато одаренной натуры. Тургеневъ это сдѣлалъ безъ всякаго партійнаго задора, безъ чувствительныхъ изліяній, безъ преднамѣреннаго подбора фактовъ и лицъ. Читая его книгу, вы невольно чувствуете, что иначе и быть не можетъ, что иныхъ типовъ народная русская жизнь не могла и создать. Предъ вами

---

*) Допущено Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія въ ученическія, старшаго возраста, библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній.

больше чѣмъ фактическая исторія: предъ вами совершенно естественное, неизбѣжное развитіе психологическихъ законовъ. А между тѣмъ, сколько новаго узнавала публика изъ этихъ, столь, повидимому, обыкновенныхъ повѣствованій! И узнавала именно то, чего менѣе всего могла ожидать.

Различные типы, выведенные въ «Запискахъ охотника».— Возникновеніе ихъ на крѣпостнической почвѣ.

Въ своихъ «Запискахъ» Тургеневъ показалъ рядъ личностей, одаренныхъ изумительнымъ поэтическимъ чувствомъ природы, безгранично гуманныхъ, соединяющихъ глубокую вдумчивость съ младенческимъ незлобіемъ. Это одинъ типъ. Другой не имѣетъ ничего общаго ни съ поэзіей, ни съ ясной наивностью души,—но для высшей публики долженъ былъ казаться столь же неожиданнымъ среди деревенской дикости и глупости. Одного изъ этихъ героевъ авторъ сравниваетъ съ Сократомъ. Предъ нами дѣйствительно самоувѣренная житейская мудрость, воспитанная многолѣтними тяжелыми опытами, мудрость—холодная, отчасти скептическая, но спокойная, добродушная, совершенно чуждая хищническихъ инстинктовъ.

Эти два типа занимаютъ первое мѣсто въ «Запискахъ». Каждый изъ нихъ авторъ иллюстрируетъ нѣсколькими фигурами: Калинычъ, Касьянъ, отчасти Ермолай, Хорь, Моргачъ, Овсянниковъ, мечтательные созерцатели и практическіе мудрецы. И всѣ они, при всемъ своемъ несродствѣ,—русскіе до послѣдняго нерва, русскіе—въ каждомъ словѣ, въ каждомъ ощущеніи. Вы видите, что эти своеобразные поэты и философы могли возникнуть только на русской почвѣ и притомъ—крѣпостнической. Крѣпостная зависимость отдѣляла крестьянъ непроходимой пропастью отъ остального человѣческаго

общества, вообще отъ умственной культуры. Мужику приходилось собственными силами и въ своей собственной средѣ искать удовлетворенія насущнымъ запросамъ человѣческой души. Кругомъ—люди или равнодушные, или враждебные ему. Рядомъ съ нимъ—такіе же «униженные и оскорбленные», какъ и онъ самъ. Всякій, кто сколько-нибудь по своимъ способностямъ и природнымъ наклонностямъ выдавался надъ темной средой, долженъ былъ чувствовать глубокое, мучительное одиночество. Не съ кѣмъ отвести душу, некому повѣрить глубокія движенія сочувствія, вложенныя такъ некстати въ сердце раба. Отсюда—меланхолическая мечтательность, необыкновенное чуткое участіе въ явленіяхъ природы. почти болѣзненная симпатія ко всему слабому, беззащитному. Крѣпостной мужикъ, имѣвшій несчастіе родиться впечатлительнымъ и любящимъ, неминуемо превращался въ юродивца—въ родѣ Калиныча и Касьяна. Они живутъ въ міру, но отличаются всѣми свойствами пустынниковъ и отшельниковъ. Они совершенно неприспособлены къ практической подневольной дѣятельности—единственной, какая только и доступна крестьянину. Это и есть ихъ неразуміе: такъ судятъ о нихъ заурядные наблюдатели, такъ думаютъ и они сами. Касьянъ на вопросъ, чѣмъ онъ промышляетъ, отвѣчаетъ: «Живу, какъ Господь велитъ,—а чтобы то есть промышлять—нѣтъ, ничѣмъ не промышляю. Неразуменъ я больно, съ мальства: работаю, пока мочно,—работникъ-то я плохой... гдѣ мнѣ! Здоровья нѣтъ, и руки глупы...» Но это не тунеядство, всегда идущее рядомъ съ нравственнымъ и умственнымъ отупѣніемъ. Напротивъ, въ душѣ Касьяна совершаются въ высшей степени сложные процессы, у него сложилось цѣлое міросозерцаніе,—настолько жизненное и для него осмысленное, что Касьянъ подчиняется извѣстнымъ теоріямъ въ своихъ отношеніяхъ къ внѣшнему міру.

Предъ нами типичное «существо не отъ міра сего», на этотъ разъ только не въ высоко-развитой средѣ интеллигентнаго общества, а въ деревенскомъ, темномъ углу. И духовное содержаніе этого существа едва ли не возвышеннѣе и идеальнѣе, чѣмъ поэтическая, безпредметная мечтательность такъ называемыхъ исключительныхъ, ангелоподобныхъ натуръ, выростающихъ на почвѣ удручающей праздности и мучительныхъ эгоистическихъ поисковъ за личнымъ счастьемъ, за удовлетвореніемъ фантастическихъ прихотей... Касьянъ при всемъ своемъ «неразуміи» находитъ возможнымъ приносить нравственную и даже практическую пользу людямъ. Онъ дѣйствительно живетъ одною жизнью съ природой,—не въ минуты поэтическаго вдохновенія и восторженныхъ созерцаній, а потому, что иной жизни у него и нѣтъ. Онъ знаетъ голосъ каждой птицы, умѣетъ перекликнуться съ ней, подхватить ея пѣсню. Каждая травка и цвѣтокъ возбуждаютъ у него тѣ самыя чувства, какими у другихъ людей сопровождаются воспоминанія о старыхъ друзьяхъ. И эти его друзья оказываютъ ему великія услуги, какихъ никогда никому не дождаться отъ людей. Даже ключевая вода настраиваетъ его на религіозныя мысли, а степи охватываютъ его душу трепетнымъ восторгомъ.

Касьяна болѣзненно поражаетъ всякое страданіе не только среди людей, даже у птицъ, а дѣвушка Аннушка въ самомъ звукѣ его голоса вызываетъ неизъяснимую страстную нѣжность. Очевидно, это великій родникъ міровой и человѣческой любви, заброшенной въ рабскую. жестокую среду...

Тургеневъ, какъ изобразитель идеальныхъ и поэтическихъ сторонъ народной души и жизни.—Главнѣйшіе мотивы тургеневской народной поэзіи.

Для Тургенева являлось особенно симпатичнымъ, дорогимъ дѣломъ—открывать публикѣ идеальныя и поэтическія стороны народной души и жизни. Для автора нѣтъ настолько ничтожныхъ, задавленныхъ жертвъ невыносимыхъ бытовыхъ условій, чтобы онѣ не представляли никакого интереса для нашего просвѣщеннаго вниманія. Даже Степушка *), совершенно, повидимому, жалкое, безличное созданіе, все поглощенное заботой о кормѣ, ни для кого незамѣтное и рѣшительно никому ненужное,— даже эта инфузорія житейскаго моря оказывается чуткой и отзывчивой на чужое горе. И какъ тонко, до умилительности просто авторъ даетъ это понять читателямъ! Мужикъ только что разсказалъ о своемъ горѣ, разсказалъ, какъ только можетъ разсказывать мужикъ — безъ фразъ, безъ вздоховъ и жалобъ. И словъ въ его рѣчи несравненно меньше, чѣмъ фактовъ, и ни малѣйшаго разсчета на сочувствіе слушателя. Степа слушалъ молча, можетъ быть онъ и передъ этимъ молчалъ цѣлые дни, такъ какъ врядъ ли кто интересовался поговорить съ нимъ. И вдругъ на локаническую, повидимому, совершенно равнодушную рѣчь мужика, у Степы невольно, безъ его вѣдома, срывается нѣсколько словъ: — «Да ты бы... того». И только. Степа смѣшался, замолчалъ, онъ не знаетъ, куда глаза дѣвать—отъ конфуза. Такъ для него необыкновенна даже такая рѣчь. Но для васъ достаточно и этихъ звуковъ. Вы почувствовали трепетъ живой человѣческой души, на васъ повѣяло дыханіе неумирающаго

*) Изъ разсказа «Малиновая вода».

гуманнаго чувства, этого, по представленію автора, исконнаго свойства русской натуры. То же самое и въ другомъ господствующемъ типѣ мужика, мыслителя, Сократа, энергичнаго дѣятеля и устроителя своего мужицкаго благосостоянія.

Хорь и Овсянниковъ — оба обязаны только себѣ. Овсянниковъ живетъ уже въ эпоху свободы и ему, конечно, несравненно легче оберегать свою независимость и личное достоинство. Но Хорь—крѣпостной. Замѣчательно,—онъ такъ же, какъ и мужики—мечтатели и поэты, постарался выдѣлиться изъ общаго мужицкаго круга, даже поселился въ сторонѣ отъ деревни, зажилъ одинъ съ семьей на болотѣ и быстро показалъ, чего можетъ достигнуть даже сравнительно независимый и въ конецъ неподавленный лично мужикъ. Авторъ отнюдь не идеализируетъ своего героя. Хорь умѣвшій разбогатѣть, насквозь понимающій и своего барина, и вообще жизнь всякихъ господъ и ихъ подданныхъ, относится къ своей дѣятельности и чужимъ взглядамъ крайне осторожно. Это громадная нравственная сила, по существу скептическая, тяжелая на подъемъ, осмотрительная, даже боязливая. Вѣка подневольнаго существованія воспитали въ мужикѣ глубокое сознаніе, чего иной разъ стоитъ одинъ опрометчивый шагъ, воспитали такое представленіе о личной отвѣтственности за каждое слово и дѣйствіе, какое было совершенно недоступно господину. Нуженъ длинный рядъ опытовъ, чтобы Хорь призналъ пользу такого, повидимому, безусловно полезнаго пріобрѣтенія, какъ грамота. Но разъ онъ убѣдился въ этой пользѣ—его уже не остановятъ никакія препятствія, и именно Хорь даетъ автору поводъ для оригинальнаго заключенія: «Петръ Великій былъ по преимуществу русскій человѣкъ». Какая смѣлость, на основаніи наблюденій надъ

крѣпостнымъ оброчнымъ мужикомъ, составлять характеристику величайшаго изъ государственнныхъ реформаторовъ! Неужели, въ самомъ дѣлѣ, натура мужика до такой степени типична, поучительна, что можетъ навести даже на самыя широкія философскія и политическія соображенія? Господину Полутыкину, барину Хоря, этого и во снѣ не грезится. Онъ просто видитъ въ своемъ данникѣ ловкаго, оборотливаго дѣльца, попросту кулака. До міросозерцанія Хоря барину нѣтъ никакого дѣла, онъ и не подозрѣваетъ, насколько этотъ смиренный подданный умственно стоитъ выше его и какъ ясно видитъ всю мелкоту его души. Является писатель, и въ болотномъ отшельникѣ открываетъ настоящаго русскаго философа, со многими традиціонными и наслѣдственными странностями, но съ необыкновенно твердыми и вполнѣ опредѣленными принципіальными воззрѣніями. Таковы главнѣйшіе мотивы тургеневской народной поэзіи и таковы результаты его наблюденій надъ народомъ. Мы взяли только самыя существенныя данныя, мы опустили множество общихъ чертъ, по мнѣнію автора, присущихъ едва ли не каждому русскому мужику. Припомните, напримѣръ, съ какой настойчивостью Тургеневъ подчеркиваетъ изумительную способность не только взрослыхъ мужиковъ, а даже подростковъ-парней—дѣйствовать просто, находчиво, съ полнымъ самообладаніемъ въ самыхъ критическихъ положеніяхъ. Помните, какъ Ермолай, внезапно затонувъ въ пруду, въ тотъ же моментъ опредѣляетъ, что надо дѣлать, не умѣя плавать, отправляется искать бродъ, долго ищетъ и возвращается къ товарищамъ, такъ основательно изучивъ дно пруда въ теченіе какого-нибудь часа, будто это была открытая дорога. И все это дѣлается молча, безъ всякой похвальбы, будто иначе и быть не можетъ. И авторъ не подчеркиваетъ фактовъ; для насъ достаточно именно только факта: они,

при всей своей будничности, краснорѣчивѣе всякихъ тирадъ. То же самое съ мальчикомъ Павлушей. На ночномъ встревожились собаки. Павлушѣ вспала мысль, что это волки, и онъ, ни минуты не раздумывая, «безъ хворостинки въ рукѣ», скачетъ одинъ и совершенно равнодушно сообщаетъ потомъ своимъ пріятелямъ: «Ничего... Я думалъ—волкъ». Здѣсь мужики, даже мальчикъ идетъ на вѣрную опасность, не справляясь ни съ какимъ «долгомъ чести», а просто по внушенію своей великодушной, инстинктивно отважной натуры. И авторъ не скрываетъ своего глубокаго уваженія къ этой натурѣ. Чтобы выразить восторгъ предъ пѣніемъ парня и представить всю мощь прочувствованныхъ звуковъ неотразимо-чарующаго голоса, онъ говоритъ: «Русская правдивая, горячая душа звучала и дышала въ немъ и такъ и хватала всѣхъ за сердце, хватала прямо за его русскія струны...» И слезы закапали у слушателя... Авторъ вложилъ въ свой разсказъ столько искренняго чувства, что ему нельзя не вѣрить, нельзя даже не позавидовать его впечатлѣніямъ. Въ мужикѣ открыты и сердце, и умъ, и даже высшій цвѣтъ человѣческой жизни—поэзія. И все это—безъ всякихъ украшеній, цвѣтистыхъ рекомендацій со стороны обладателей этихъ сокровищъ и чувствительныхъ томленій и восторговъ автора. Простая, но геніальная исторія о простыхъ, но великихъ предметахъ! (*Ив. Ивановъ*. «Иванъ Сергѣевичъ Тургеневъ. Жизнь.—Личность.—Творчество». СПБ., 1896 г.).

Художественное значеніе „Записокъ охотника“.

Привычное представленіе, которое соединяется съ «Записками охотника» Тургенева, есть представленіе о рядѣ художественныхъ очерковъ, проникнутыхъ одною идеею, направленныхъ къ одной цѣли, именно къ доказательству несправедливости существовавшаго тогда крѣпостного права. Самъ Тургеневъ неоднократно высказывался въ этомъ именно смыслѣ. Но какъ ни вѣско свидѣтельство самого художника, въ представленіи этомъ необходимо признать нѣчто преувеличенное. Дѣятельность каждаго писателя неизбѣжно проникнута, конечно, одною идеею, всѣ его произведенія всегда носятъ печать его личности съ его характеристичными стремленіями, — и только въ этомъ смыслѣ можно признать за «Записками охотника» приписываемое имъ значеніе. Самая исторія ихъ происхожденія какъ нельзя лучше доказываетъ это. Послѣ довольно большого ряда стихотвореній и стихотворныхъ разсказовъ, да еще двухъ-трехъ повѣстей, Тургеневъ, уже почти рѣшившійся оставить литературное поприще, написалъ и отдалъ въ «Современникъ», перешедшій тогда въ руки Панаева и Некрасова, небольшой очеркъ «Хорь и Калинычъ», который и былъ напечатанъ въ «Смѣси»,— очевидно, ему большого значенія не придавалось. Неожиданный громкій успѣхъ его вернулъ Тургенева къ литературѣ и къ ряду подобныхъ же очерковъ. Такимъ образомъ начало «Записокъ охотника», какое бы ни придавали имъ значеніе, было случайностью. Но и затѣмъ въ доброй половинѣ ихъ нѣтъ даже того характера, который имъ приписывается. Какимъ образомъ могли быть орудіемъ въ борьбѣ противъ крѣпостного права такіе очерки, какъ «Ермолай и мельничиха», — описаніе охоты съ плоховатой собакой и странноватымъ

дворовымъ на птицъ, сопровождаемой невольнымъ купаніемъ по случаю непригодности къ плаванію по озеру взятаго суденышка, и т. п..? Еще менѣе къ этой роли могутъ быть пріурочены разсказы въ родѣ «Гамлета Щигровскаго уѣзда», въ которыхъ крѣпостное право не имѣетъ почти ровно никакого отношенія ни къ самой фабулѣ разсказа, ни къ деталямъ его. Въ самомъ «Хорѣ и Калинычѣ» довольно трудно найти хотя бы отдаленный намекъ на несправедливость тяжелой личной зависимости отъ произвола владѣльца. Хорь, какъ онъ ни несвободенъ, повидимому, совсѣмъ не чувствуетъ гнета крѣпостного права,—онъ богатъ, сохраняетъ рѣзкія индивидуальныя черты силы и твердости характера и совсѣмъ не похожъ на «раба». Его пріятель Калинычъ—просто мужицкая художественная натура, человѣкъ малопрактичный, прямо почти противоположный Хорю. Читатель не видитъ въ разсказѣ рѣшительно ничего, что говорило бы объ ихъ крѣпостной неволѣ... Выводъ этотъ самъ собою представляется уму читателя, какъ скоро онъ отнесется къ «Запискамъ охотника» съ подобающей критикою. Есть, однако, въ этихъ прекрасныхъ очеркахъ такіе элементы, которые до весьма большой степени оправдываютъ воззрѣніе на нихъ, возникшее, конечно, позже, и давшее основаніе самому автору принять его, по которому «Записки охотника» являются какъ бы выдѣленными изъ остальныхъ произведеній Тургенева, имѣющими спеціальный характеръ борьбы, направленной противъ крѣпостного права. Дѣло въ томъ, что въ полной своей совокупности онѣ представляютъ яркую картину жизни русской деревни—крестьянъ и помѣщиковъ, жизни притомъ преимущественно духовной, а не матеріальной, не бьющей въ глаза собственно ея экономическими отношеніями. Въ этой картинѣ народъ является передъ читателемъ такимъ мощнымъ и полнымъ силъ элементомъ русской жизни, что невольно могъ наводить на

мысль о несправедливости духовной и особенно матеріальной опеки надъ нимъ; а помѣщики въ той же картинѣ—далеко не безупречные люди, т. е. самые обыкновенные, притомъ со слѣдами вліянія на нихъ рабовладѣльческой беззаботности и легкомыслія, испорченности жизнью безъ труда—не мирятъ съ мыслью, что въ ихъ рукахъ, въ ихъ полной власти и произволѣ тысячи и десятки тысячъ тѣхъ крестьянъ. Тургеневъ былъ только художникъ въ этой картинѣ, а совсѣмъ не проповѣдникъ. Онъ далъ только вѣрную картину дѣйствительности, а уже эта дѣйствительность могла наводить на мысли о крѣпостномъ правѣ. Каждый очеркъ самъ по себѣ подобнаго обширнаго значенія, конечно, имѣть не могъ; но вмѣстѣ они говорили сочувственными мыслями тѣмъ, кто искалъ этихъ мыслей. Тургеневъ, какъ истинный художникъ, не могъ преслѣдовать тенденціозныхъ цѣлей, но его сочувствіе было на сторонѣ несвободнаго народа—и оно сказалось въ его изображеніяхъ. Въ этомъ только смыслѣ онъ и могъ самъ говорить о своей «борьбѣ» противъ несправедливаго общественнаго устройства, противъ стѣсненія, наложенныхъ на свободное развитіе талантливаго и сильнаго русскаго племени. И то, что говоримъ мы, относится только къ половинѣ очерковъ, а ни въ какомъ случаѣ не ко всѣмъ, а это обстоятельство прямо указываетъ на отсутствіе въ нихъ преднамѣренной, прямой тенденціи.

Но это самое свойство «Записокъ охотника», о которомъ мы говоримъ, ихъ изящество, художественность, дѣлаетъ ихъ драгоцѣнными и для насъ, для потомковъ. Если бы онѣ, дѣйствительно, имѣли значеніе только орудія борьбы и пропаганды, время поставило бы ихъ въ разрядъ историческихъ явленій, любопытныхъ и поучительныхъ для историка, но значительно утратившихъ интересъ для обыкновенныхъ читателей. Крѣпостное право давно не существуетъ, и что же поучительнаго и жи-

вого, не историческаго нашли бы мы въ томъ орудіи, которое направлено было когда-то противъ него? «Записки охотника» превратились бы въ литературное явленіе момента, для него существовавшее и вмѣстѣ съ нимъ отошедшее въ историческое прошлое. Но разъ это—художественныя произведенія, изъ которыхъ только могла быть извлечена тенденція, они получаютъ значеніе болѣе вѣчное, позднѣйшіе потомки найдутъ въ нихъ столько же поучительнаго, сколько и современныя имъ поколѣнія. Въ этомъ для насъ ихъ главнѣйшее значеніе.

Художественное значеніе «Записокъ охотника», значеніе правдивой картины русской жизни, необычайно велико. Тургеневу удалось подмѣтить самыя характерныя черты русской души, и, быть можетъ, всего болѣе онѣ находятъ для себя выраженіе именно въ «Запискахъ охотника». Многія позднѣйшія произведенія имѣли уже въ нихъ свои основные, наиболѣе существенные элементы. Что такое, напримѣръ, Чулкатуринъ, этотъ «лишній человѣкъ», какъ не простое видоизмѣненіе «Гамлета Щигровскаго уѣзда»? И тотъ, и другой одинаково родоначальники длиннаго ряда тургеневскихъ героевъ, вооруженныхъ, повидимому, средствами для полезной дѣятельности въ обществѣ, но слабыхъ волею, почти безъ борьбы уступающихъ мѣсто другимъ на общественной аренѣ, въ виду непризнанія ихъ обществомъ, хотя имъ, конечно, хорошо извѣстно, что всякое общество трудно мирится со всякими новаторами и носителями непривычныхъ для него идей. И тотъ, и другой въ то же время всѣмъ своимъ умственнымъ направленіемъ, характеромъ образованія (что особенно относится къ «Гамлету Щигровскаго уѣзда») лишены почвы въ своемъ обществѣ и находятъ ее развѣ только въ какихъ-нибудь родовыхъ «Овечьихъ-водахъ», гдѣ имъ представляется полная возможность дарового прозябанія на крѣпостномъ трудѣ.

Характеристика русскихъ народныхъ массъ.—Изображеніе высшихъ слоевъ русскаго народа. — Типы, появлявшіеся въ тогдашней русской жизни подъ вліяніемъ недостаточнаго просвѣщенія.

«Записки охотника» распадаются на три рода очерковъ. Одинъ изъ нихъ всецѣло принадлежитъ характеристикѣ русскихъ народныхъ массъ, и въ нихъ съ наибольшею силою отражена русская душа, та естественная, прирожденная русская душа, которая не прошла подъ многообразными вліяніями европейскихъ идей. Изученіе этихъ очерковъ съ указываемой стороны представляетъ несомнѣнную важность, — въ нихъ можно найти если не рѣшеніе, то важные элементы для рѣшенія многихъ явленій нашей жизни, какъ исторической, такъ и современной. Очерки Тургенева показываютъ намъ въ основѣ русской души, напримѣръ, характернѣйшее отрицательное отношеніе къ «земнымъ благамъ», вообще къ плотской жизни, и связанное съ нимъ какое-то спокойное, почти фаталистическое отношеніе къ смерти. Быть можетъ, народъ вынесъ подобныя чувства (а не сознательныя мысли) изъ своихъ вѣковыхъ испытаній. Какое значеніе могли получить въ глазахъ народа богатство, роскошь, удобства жизни, когда одно нашествіе толпы татаръ, одна суровая война съ окружающими враждебными народами превращали въ прахъ разультаты многолѣтнихъ усилій? И какую цѣну могла имѣть жизнь, подверженная суровымъ лишеніямъ и опасностямъ въ теченіе цѣлыхъ вѣковъ? На почвѣ бѣдствій выростаетъ вѣра, которая, со своею надеждою на загробную награду за страданія, становится драгоцѣннѣйшимъ достояніемъ души, и русскій человѣкъ, готовый жить пока живется, смѣло смотрѣлъ въ глаза смерти.

Тургеневъ нарисовалъ удивительную картину этого смиренія передъ неизбѣжнымъ фактомъ смерти: умирающій русскій человѣкъ жалѣетъ не объ утрачиваемыхъ наслажденіяхъ жизни, заботится не о себѣ, а почти исключительно о томъ, чтобы перейти въ другой міръ съ соблюденіемъ, такъ сказать, всѣхъ порядковъ, сдѣлавъ всѣ необходимыя распоряженія. Такъ относятся у Тургенева къ жизни и смерти самыя дѣловитыя русскія натуры, исполненныя, повидимому, практическихъ стремленій. Но что же говорить о натурахъ художественныхъ, болѣе беззаботныхъ въ практической, дѣловой жизни? Наиболѣе сильный образъ, говорящій объ этихъ свойствахъ русской души, мы находимъ въ очеркѣ «Живыя мощи». Тургеневъ отразилъ въ своихъ очеркахъ и ту русскую способность къ глубочайшимъ увлеченіямъ, къ неизмѣримой силѣ чувства, къ беззавѣтнѣйшей преданности любимому дѣлу. Въ «Пѣвцахъ» мы неожиданно находимъ въ натурахъ, повидимому примитивныхъ и грубыхъ, поразительную мощь сложныхъ душевныхъ движеній, а рядомъ съ этимъ все-таки пренебрежительное отношеніе къ практическому, дѣловому, разсчитанному существованію, приближающееся къ какому-то оригинальному безпутству и легкомыслію. Но въ этомъ же свойствѣ кроется объясненіе историческаго величія нашего отечества, сыны котораго всѣмъ способны пожертвовать для высшаго блага, для высшей идеи.

Второй родъ очерковъ изображаетъ высшіе слои русскаго народа. Одни изъ нихъ характеризуютъ русскую помѣщичью жизнь, не особенно близко, впрочемъ, касаясь отношеній помѣщиковъ къ подвластнымъ имъ крестьянамъ. Главная основная ихъ черта — характеристика жизни людей, соціальными условіями поставленныхъ въ исключительную возможность жить безъ дѣятельности, почему въ средѣ ихъ развиваются искусственные интересы, занятія безъ строго опредѣленныхъ цѣлей и, наконецъ,

въ результатѣ, паденіе нравственныхъ представленій объ ихъ общественныхъ обязанностяхъ и правахъ. Третій родъ очерковъ посвященъ изображенію типовъ, появлявшихся тогда въ русской жизни подъ вліяніемъ недостаточнаго, притомъ чуждаго просвѣщенія. Таковъ очеркъ «Гамлетъ Щигровскаго уѣзда». Но эти послѣдніе, какъ отчасти и вторые, по своему характеру уже примыкаютъ къ позднѣйшимъ произведеніямъ Тургенева. (*Арс. Введенскій.* «Общественное самосознаніе въ русской литературѣ». Критическіе очерки. СПБ., 1900 г.).

„Дневникъ лишняго человѣка".

«Дневникъ лишняго человѣка» по своему сложному характеру стоитъ внѣ категорій, на которыя можно раздѣлить тургеневскія повѣсти. Въ немъ изображены любовь и мученія ревности съ тѣмъ же талантомъ, какъ и въ другихъ разсказахъ. Но одною своею стороною «Дневникъ лишняго человѣка», подобно «Гамлету Щигровскаго уѣзда» въ «Запискахъ охотника», примыкаетъ къ тѣмъ большимъ романамъ Тургенева, которые получили значеніе характеристикъ общественныхъ вопросовъ и новыхъ умственныхъ вѣяній. Въ Чулкатуринѣ передъ нами не просто любящій человѣкъ, а представитель обширнаго класса русскихъ людей,—не даромъ имя «лишнихъ людей» сдѣлалось нарицательнымъ именемъ для многихъ героевъ русской литературы, въ которыхъ, «отразился вѣкъ, и современный человѣкъ изображенъ». Подробный анализъ этого характера показалъ бы, что «лишній человѣкъ», изображенный въ 1850 году вмѣстѣ съ «Гамлетомъ Щигровскаго уѣзда», написаннымъ раньше годомъ, служитъ предвѣстникомъ «Рудина». (*Арс. Введенскій.* «Общественное самосознаніе въ русской литературѣ». Критическіе очерки. Спб., 1900 г.).

«Муму».

Въ 1852 г. Тургеневъ написалъ «Муму». Въ этомъ трогательномъ разсказѣ о собачкѣ, составляющей единственное утѣшеніе для глухонѣмого крестьянина и безсердечно сгубленной капризною барыней, выразилось то же свойство таланта автора, которое сказалось со всею своею силою въ «Запискахъ охотника». По своему характеру и смыслу, эта повѣсть могла именно тамъ занять видное мѣсто. Глухонѣмой Герасимъ, вынесшій въ совсѣмъ своеобразной формѣ гнетъ господскаго произвола, стоитъ именно въ длинной галлереѣ лицъ изъ народа, которыя проходятъ передъ читателями въ «Запискахъ охотника», протестуя противъ приниженія ихъ личности рабствомъ. (*Арс. Введенскій.* «Общественное самосознаніе въ русской литературѣ». Критическіе очерки. Спб., 1900 г.).

Повѣсти Тургенева.

Повѣсти Тургенева никогда не играли такой *общественной* роли, какъ его романы, а также маленькіе разсказы, составившіе въ ихъ общности «Записки охотника». Но въ литературномъ смыслѣ въ дѣятельности Тургенева повѣсти занимаютъ огромное мѣсто; въ нихъ едва ли не съ большей силой выразился весь чарующій талантъ этого художника слова. Въ большинствѣ повѣстей присутствуетъ глубокая психологія, и въ смыслѣ уясненія русскаго характера онѣ наиболѣе богаты содержаніемъ. Въ романахъ Тургенева на сценѣ—преимущественно исключительные люди и исключительныя явленія

жизни; въ «Запискахъ охотника»—своя спеціальная задача, хотя она и не проведена вполнѣ послѣдовательно. Въ повѣстяхъ же Тургенева — простая русская жизнь, простые русскіе люди въ ихъ самой обыкновенной обстановкѣ. И если справедливо, что жизнь народа, душа его, должны быть изучаемы не въ исключительные только моменты и не въ исключительныхъ явленіяхъ, то повѣсти должны занимать въ общей суммѣ дѣятельности Тургенева несравненно большую роль, чѣмъ имъ обыкновенно отводится. (*Арс. Введенскій.* «Общественное самосознаніе въ русской литературѣ». Критическіе очерки. Спб., 1900 г.).

„Рудинъ".

Рудинъ—русскій гегеліанецъ тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ.—Отношеніе автора къ герою.

Рудинъ—воспитанникъ германскихъ университетовъ. Онъ «весь погруженъ въ германскую поэзію, въ германскій романтическій и философскій міръ». Такъ сообщаетъ намъ авторъ,—и Рудинъ при первомъ же случаѣ готовъ предаться студенческимъ воспоминаніямъ, принять на себя защиту великаго пророка и учителя — Гегеля. Все это, несомнѣнно, отголоски сороковыхъ годовъ. Тѣ же отголоски слышатся и въ идеяхъ Рудина, въ его блестящихъ проповѣдяхъ. Припомните основныя положенія героя, какими онъ увлекаетъ Наташу и Басистова. Вы всѣ ихъ цѣликомъ отыщете въ литературныхъ произведеніяхъ и личныхъ признаніяхъ молодежи гегельянской эпохи. — «Людямъ нужна вѣра; имъ нельзя жить одними впечатлѣніями, имъ грѣшно бояться мысли и не довѣрять ей. Скептицизмъ всегда отличался безплодностью и безсиліемъ». Дальше Рудинъ доказываетъ:—«Если у человѣка

нѣтъ крѣпкаго начала, въ которое онъ вѣритъ, нѣтъ почвы, на которой онъ стоитъ твердо, какъ можетъ онъ дать себѣ отчетъ въ потребностяхъ, въ значеніи, въ будущности своего народа? Какъ можетъ онъ знать, что онъ долженъ самъ дѣлать»? Насмѣшникъ Пигасовъ окончательно раздраженъ, не даетъ даже кончить вопроса, — но это опять идеи и даже форма рѣчи сороковыхъ годовъ. Неуклонное, хотя и мечтательное стремленіе къ народному благу было общей страстью молодежи. Врядъ ли какой русскій гегельянецъ не страдалъ страданіями народа. Бѣлинскій-студентъ сочиняетъ пламенную драму, клеймящую крѣпостное право монологами въ духѣ шиллеровскаго Карла Мора. Въ заграничномъ кружкѣ Станкевича главнѣйшимъ вопросомъ считалось просвѣщеніе народа. И эти мечты были, очевидно, атмосферой времени. Лермонтовъ не дружилъ съ Бѣлинскимъ, не бывалъ у Станкевича, но онъ не преминулъ первые шаги своей поэтической дѣятельности отмѣтить драмой, направленной на то же зло родного народа... Не даромъ, слѣдовательно, у Рудина представленіе о народѣ является въ неразрывной связи съ самыми выспренними идеями иноземной философіи. Да, Рудинъ — гегельянецъ, студентъ, выросшій среди молодыхъ идеалистовъ тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ. И къ числу ихъ принадлежалъ самъ авторъ. Вѣдь это онъ оплакалъ такими горькими слезами благороднѣйшаго питомца германской мысли и поэзіи. Все его сочувствіе было на сторонѣ безвременно погибшаго учителя, друга, вождя. И если Рудинъ изъ той же среды, у Тургенева не только въ эпоху возникновенія романа, а до конца дней не должно развиваться иного настроенія, кромѣ восторга и благодарной любви. А между тѣмъ въ романѣ этого нѣтъ. Развѣ вамъ не бросилось въ глаза, при первомъ же знакомствѣ съ Рудинымъ, странное отношеніе автора къ

своему герою? Рудинъ, появляясь на сцену, покоряетъ всѣ сердца, озлобляетъ завистниковъ, пугаетъ людей добродѣтельныхъ, но ограниченныхъ. Онъ — настоящій герой, и притомъ стяжавшій власть неотразимой силой слова и мысли. Остается одинъ только человѣкъ, не поддавшійся очарованію,—и этотъ человѣкъ— самъ авторъ. На его взглядъ, герой комиченъ съ самаго начала. «Я вижу фортепіано», началъ Рудинъ мягко и ласково, какъ путешествующій принцъ...» и вы чувствуете,—такое заключеніе можно сдѣлать объ артистѣ, только-что вызвавшемъ эффектъ, для него вполнѣ привычный и интересный лишь по чужимъ впечатлѣніямъ. Онъ блистательно исполнилъ свою роль и хочетъ отдохнуть на игрѣ другихъ. Подобное настроеніе врядъ ли доступно человѣку, минутой раньше съ такой горячностью разрѣшавшему міровые вопросы,—врядъ ли доступно при одномъ условіи, если самые вопросы хватаютъ его за сердце, тѣсно срослись съ его нравственной природой. И какъ естественнымъ является замѣчаніе—также авторское — о впечатлѣніи m-lle Boncourt: Рудинъ «въ ея глазахъ былъ чѣмъ-то въ родѣ виртуоза или артиста...» Невольно спрашиваешь: зачѣмъ авторъ счелъ необходимымъ сообщить намъ, что думаетъ объ его героѣ существо совершенно безличное и не играющее въ романѣ никакой роли? Дальше еще болѣе краснорѣчивый моментъ. Рудинъ произвелъ потрясающее впечатлѣніе на Басистова. Юный слушатель сталъ его боготворить. Но Рудинъ остался совершенно равнодушенъ къ благородному чувству юноши, какъ-то поговорилъ съ нимъ разъ «о самыхъ важныхъ міровыхъ вопросахъ и задачахъ», «возбудилъ въ немъ живѣйшій восторгъ, но потомъ онъ его бросилъ». Авторъ не оставляетъ безъ своей оцѣнки такого поведенія Рудина: «видно», читаемъ дальше, «онъ только на словахъ искалъ чистыхъ и преданныхъ душъ»...

То же самое и относительно Наташи. Она, конечно, гораздо интереснѣе для Рудина, чѣмъ Басистовъ, онъ безпрестанно бесѣдуетъ съ ней, но именно какъ виртуозъ: ему важенъ эффектъ, а не идейный результатъ рѣчей. «Рудинъ, казалось», снова замѣчаетъ авторъ, «не очень заботился о томъ, чтобы она его понимала — лишь бы слушала его»... Это въ высшей степени любопытное явленіе. Авторъ будто не можетъ сдержать своего отрицательнаго или ироническаго настроенія относительно своего побѣдоноснаго героя и заранѣе спѣшитъ уронить его въ нашихъ глазахъ, раньше, чѣмъ самые факты сорвутъ съ него пышное убранство. Въ чемъ таится мотивъ подобнаго чувства, столь субъективнаго, даже слишкомъ горячаго? Отнюдь, конечно, не въ рудинскихъ идеяхъ, насколько онѣ связаны съ преданіями «германскаго романтическаго и философскаго міра». Рудинъ, очевидно, не изъ вѣрныхъ и безукоризненныхъ друзей Станкевича. Въ этой натурѣ есть нѣчто, отдѣляющее ее глубокой пропастью отъ истинныхъ представителей русскаго гегельянства, отъ подлинныхъ русскихъ мечтателей философской эпохи. Это нѣчто ясно указано и многократно подчеркнуто авторомъ. Это — не фразерство въ томъ смыслѣ, какъ его поняли критики романа, т. е. увлеченіе словеснымъ блескомъ при полной практической бездарности. Подобная черта еще не является на столько порочной, чтобы вызвать у автора такое энергическое негодованіе и даже презрѣніе. Вѣдь и Гамлетъ — философъ того же типа, и никому никогда и на умъ не приходило бросать камнемъ въ датскаго принца. Герои чистой отвлеченной мысли заслуживаютъ скорѣе состраданія и благосклоннаго внимательнаго изученія, чѣмъ «страсти и гнѣва». Это печальное явленіе, но *непроизвольное*; оно всегда—источникъ страданій для человѣка, часто основа удручающей душевной драмы. Недо-

статокъ воли при разностороннемъ развитіи мысли — страшное бремя, принижающее личность въ ея собственныхъ глазахъ, исключающее всякую возможность героическаго эффекта. Не то съ Рудинымъ. Его роль вполнѣ сознательная. Онъ можетъ остаться такимъ, какимъ мы видимъ его въ гостяхъ у Дарьи Михайловны, но можетъ говорить и поступать иначе. Онъ *выбираетъ* образъ дѣйствій, наиболѣе для него выгодный въ данную минуту, не въ прямомъ матеріальномъ смыслѣ слова, а въ цѣляхъ артистическаго, художественнаго успѣха. Рудинъ, дѣйствительно, виртуозъ, артистъ, совершенно разсчетливо ведущій опредѣленную политику,—безкорыстную относительно житейскихъ благъ, но весьма цѣлесообразную для роли «путешествующаго принца», пророка, прорицателя, гипнотизирующаго юныя сердца». И предъ нами всѣ признаки лицедѣя волшебника. Артисту нужна самая впечатлительная и благодарная публика. А таковой публикой искони являются женщины, — и Рудинъ оратор-ствуетъ, «вдохновленный близостью молодыхъ женщинъ», «увлеченный потокомъ собственныхъ ощущеній». Дальнѣйшіе его подвиги въ томъ же направленіи. Онъ безпрестанно бесѣдуетъ съ Натальей и едва удѣляетъ одно утро Басистову. Публика подсказываетъ и извѣстную манеру игры. Для русскаго героя манера давно испытанная, хотя и много разъ осмѣянная. Опустошенія, произведенныя въ женскихъ сердцахъ Онѣгиными, Печориными и ихъ маленькими двойниками и подражателями, будутъ вѣчно удручать сердца романическихъ героевъ—чувствами зависти и соревнованія. Рудинъ—одинъ изъ нихъ.

Рудинъ и Наталья.

Припомните одинъ изъ многочисленныхъ разговоровъ Рудина съ Натальей—на тему о любви. Рудинъ говоритъ особенно часто объ этомъ предметѣ, онъ намѣренъ даже писать трактатъ о трагическомъ значеніи любви. Почему именно о трагическомъ? Отнюдь не потому, что самъ авторъ испыталъ или вообще способенъ испытать любовную трагедію, а потому, что *трагедія* несравненно эффектнѣе, романтичнѣе, чѣмъ обыкновенная, общечеловѣческая психологія даннаго чувства. Рудинъ немедленно представляетъ и картинную иллюстрацію своихъ идей.—«Замѣтили ли вы,—заговорилъ онъ, круто повернувшись на каблукахъ:—что на дубѣ—а дубъ крѣпкое дерево—старые листья только тогда отпадаютъ, когда молодые начнутъ пробиваться?—Да,—медленно возразила Наталья,—замѣтила.—Такъ то же случается и съ старой любовью въ сильномъ сердцѣ: она уже вымерла, но все еще держится; только другая, новая любовь можетъ ее выжить». Что значитъ эта аллегорія—Наталья не понимаетъ. Но этого и не требуется Рудину. Ему необходимо произвести эффектъ, подавить воображеніе, заинтриговать чувство. А этого можно достигнуть, напуская, по возможности, больше театральнаго тумана. Конецъ сцены превосходенъ.—«Рудинъ постоялъ, встряхнулъ волосами и удалился». Картина—прямо изъ оперная либретто. И картина весьма старая, но неотразимо захватывающая сердца Татьянъ, Марій, Наталій. Нужна тайна—и сердце дѣвушки неизбѣжно запутается въ сѣтяхъ. Такъ ведетъ себя Онѣгинъ среди деревенскихъ мечтательницъ, Печоринъ съ княжной Мери, «принявъ глубоко тронутый видъ», разсказываетъ

аллегорическую темную исторію о томъ, какъ онъ отрѣзалъ одну мертвую половину своей души и бросилъ, «тогда какъ другая шевелилась»... Результаты всюду тождественные. Татьяна не спитъ ночей въ смутной мучительной тоскѣ, княжна Мери окончательно подавлена сладкимъ ужасомъ загорающейся страсти, Наталья «долго размышляла о послѣднихъ словахъ Рудина и вдругъ сжала руки и горько заплакала». Въ основѣ столь могущественной таинственности лежитъ капля все того же яду—*разочарованіе*.

Русскіе чайльдъ-гарольды и истинные представители идеалистической эпохи.

Рудинъ щеголяетъ въ старомъ плащѣ россійскихъ чайльдъ-гарольдовъ. Костюмъ въ высшей степени потертъ, утратилъ много мишурныхъ, блестящихъ украшеній,—но Рудинъ успѣшно обновляетъ маскарадъ пріемами, неизвѣстными его предшественникамъ. Тѣ черпали репертуаръ загубленныхъ чувствъ и жестокихъ рѣчей въ поэзіи англійскаго поэта и разныхъ dii minores того же направленія. Рудинъ пользуется германской философіей и поэзіей—совершенно противоположнаго духа, чѣмъ байронизмъ. Чайльдъ-Гарольды усиливались все отрицать и надо всѣмъ смѣяться: Рудинъ, напротивъ, зоветъ своихъ слушателей въ царство восторженной вѣры, вдохновенной мысли, всеобъемлющихъ идей. Но вѣдь нашъ бѣдный міръ такъ мало отвѣчаетъ поэтическимъ призывамъ и идеальнымъ стремленіямъ. Краснорѣчивымъ гегельянцамъ далеко не всегда приходится встрѣчать радостно-трепетную публику, въ родѣ Натальи и Басистова; рѣдко рѣчи ихъ льются среди молчанія роскошной ночи, подъ акомпаниментъ шубертовской музыки,—и гегельянство, слѣдовательно, прямымъ путемъ можетъ привести

къ тоскѣ и «холоду сердечному». Правда, настоящіе подвижники идеи минуютъ этотъ путь. У нихъ могутъ быть минуты тяжелаго раздумья, томительныхъ сомнѣній, но вѣра въ *человѣческое призваніе* восторжествуетъ. Самая мысль о разочарованіи, какъ бы красиво оно ни было, покажется имъ позорнымъ малодушіемъ, а игра въ разбитыя мечты и безнадежное будущее напомнитъ имъ жалкихъ, нравственно-немощныхъ комедіантовъ печальнаго прошлаго... Послушайте, какъ истинный гегельянецъ ободряетъ себя и друзей на неустанный общественный подвигъ.—«Иногда ночью, когда потушена свѣча, когда воетъ вѣтеръ, чортъ знаетъ, чего не лѣзетъ въ голову: міръ кажется скучною церемоніею, будущность безотрадна; вспоминаешь ничтожныя слова, сны; начинаешь хоронить друзей, чувствуешь тяжесть въ груди и засыпаешь безпокойно... Разсвѣтаетъ, и вся тоска прошла и первое движеніе — молитва»... О чемъ же молитва? Можетъ быть, это жалоба безпомощнаго, мятущагося страдальца, заблудившагося путника, ищущаго тихаго пристанища? Нѣтъ,—это молитва воина, идущаго въ бой съ какими угодно препятствіями, стоящими на пути къ дорогимъ идеямъ.—«Я не молюсь о своемъ счастіи; съ меня довольно быть человѣкомъ. Я говорю: Господи! буди въ сердцѣ моемъ и дай мнѣ совершить подвигъ на землѣ». Такъ разсказываетъ Станкевичъ о своихъ думахъ. То же самое онъ пишетъ Грановскому, когда тотъ, было, согнулся подъ тяжестью научной работы, не всегда живой и увлекательной.—«Мужество, твердость, Грановскій! Не бойся этихъ формулъ, этихъ костей, которыя облекутся плотью и возродятся духомъ по глаголу Божію, по глаголу души твоей. Твой предметъ—жизнь человѣчества: ищи же въ этомъ человѣчествѣ образа Божія; но прежде приготовься трудными испытаніями,—займись

философіею! Занимайся тѣмъ и другимъ: эти переходы изъ отвлеченной къ конкретной жизни и снова углубленіе въ себя — наслажденіе! Тысячу разъ бросишь ты книги, тысячу разъ отчаешься и снова исполнишься надежды; но вѣрь, вѣрь—и иди путемъ своимъ». Въ этихъ словахъ весь юноша идеалистической эпохи,—мужественный, неустанно мыслящій, убѣжденный, что человѣческая мысль—сильнѣйшее орудіе человѣческой природы, и вѣра въ призваніе—непреодолимая защита противъ всѣхъ искушеній, противъ малодушія и отчаянія. Могло ли этому человѣку придти на умъ—устраивать театральное зрѣлище изъ своихъ идей и настроеній, драпироваться въ плащъ непонятнаго и неоцѣненнаго героя великихъ таинственныхъ замысловъ? Тотъ же Станкевичъ признается:—«Моя голова получила такое несчастное устройство, что ее опасно оставлять безъ занятія... Одна мысль объ односторонности, связанная съ мыслью о нравственномъ усыпленіи, въ состояніи все отравить для меня». Очевидно, здѣсь немыслима игра въ эффекты, невозможно спокойное самоуслажденіе при видѣ чужихъ, безмолвныхъ восторговъ. При такой напряженной умственной работѣ человѣкъ неизбѣжно отъ начала до конца остается строжайшимъ судьей самого себя. До болѣзненности чуткое и придирчивое сознаніе неотступно слѣдитъ за всякимъ впечатлѣніемъ и поступкомъ. Русскіе гегельянцы особенно любили исповѣдываться въ своихъ вольныхъ и невольныхъ прегрѣшеніяхъ,—и нерѣдко подвергали себя столь немилосердному суду, что біографамъ приходилось впослѣдствіи защищать мнимыхъ преступниковъ отъ ихъ же самихъ. Таковы самообличенія Бѣлинскаго въ такого рода «паденіяхъ», какія могли бы смущать развѣ душу идеально-чистой дѣвушки... Рудинъ также склоненъ жестоко нападать на собственную личность, но и эти нападки носятъ характеръ такого же ораторскаго

турнира, какъ и всѣ другія разсужденія краснорѣчиваго виртуоза. Для Рудина развѣнчивать себя—не глубокая нравственная мука, какъ это было для Бѣлинскаго, а то же самое наслажденіе, какое испытываетъ Печоринъ, разсказывая княжнѣ Мери всевозможные ужасы про свою жизнь и личность. Это обычная уловка байронствующихъ комедіантовъ,—окружить себя мрачнымъ, даже безнадежнымъ ореоломъ самоотрицанія, чтобы вызвать сочувствіе въ отзывчивомъ, отуманенномъ сердцѣ женщины. Эта психологія до тонкости была извѣстна Печорину. Лермонтовскій герой, прочитавши предъ княжной Мери «эпитафію» самому себѣ, замѣчаетъ: «Въ эту минуту я встрѣтилъ ея глаза: въ нихъ бѣгали слезы; рука ея, опираясь на мою, дрожала; щеки пылали, ей было жаль меня. Состраданіе—чувство, которому покоряются такъ легко всѣ женщины, впустило свои когти въ ея неопытное сердце»... Буквально, на этотъ результатъ разсчитываетъ Рудинъ, и—не ошибается. Вы съ перваго же появленія героя на сцену увѣрены, что Наталья полюбитъ Рудина,—а онъ? Обратимся къ *исторіи*.

Для юныхъ русскихъ гегельянцевъ завѣтнымъ стремленіемъ было—всѣ чувства, всѣ настроенія подчинить *идеѣ*, «утвердить на *мысли* и *разумѣ*» всѣ движенія сердца и души, всю нравственную и практическую жизнь. Весь міръ представляетъ гармоническое развитіе одной *идеи*,—человѣческое существованіе должно быть также воплощеніемъ этой идеи, осуществленіемъ благороднѣйшаго *призванія*, которое только доступно совершеннѣйшему созданію вселенной. Чувство любви прежде всего должно подчиниться этому закону, потому что оно представляетъ болѣе всего опасностей для увлеченнаго страстью—нарушить гармонію личныхъ нравственныхъ силъ, принести ихъ въ жертву эгоистическому стремленію къ счастью. Такъ, можетъ быть, на иной взглядъ наивно, но глубоко

убѣжденно и честно, разсуждали *подлинно* люди тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ. Станкевичъ, переживая искреннее увлеченіе, писалъ: «Потребность любви должна быть вызвана не бѣдностью души, которая, чувствуя свою нищету и будучи недовольна собой, ищетъ кругомъ себя помощи; нѣтъ, — любовь должна выходить изъ богатства нашего духа, исполненнаго силы и дѣятельности и отыскивающаго въ самой любви только новую, высшую полнѣйшую жизнь». Это, пожалуй, можетъ показаться праздной метафизикой и резонерствомъ. Но здѣсь слово не расходится съ дѣломъ. Мы должны ожидать, что влюбленный останется вѣренъ *идейному* представленію о любви и въ своей жизни. И Станкевичъ именно такъ и поступилъ. Самоотверженная мысль, непреклонная совѣсть всегда готовы стать на пути къ личному счастью, а молодость отличается еще своимъ особеннымъ фанатизмомъ, и въ результатѣ предъ нами своего рода аскетъ на почвѣ высокоразвитого гуманнаго чувства и безграничныхъ общественныхъ стремленій. У Рудина и на этотъ разъ мы встрѣчаемъ яркіе отголоски только-что описаннаго явленія. Лежневъ разсказываетъ, какъ онъ влюбился въ «предобренькую» дѣвушку, открылъ свое чувство Рудину, —и тотъ отнесся къ факту на первый взглядъ въ духѣ своихъ современниковъ-философовъ: «поздравилъ, обнявъ меня», говоритъ Лежневъ, «и тотчасъ же пустился вразумлять меня», «толковать мнѣ всю важность моего новаго положенія». Рудинъ, слѣдовательно, взглянулъ на чувство Лежнева съ точки зрѣнія извѣстныхъ идей и, вѣроятно, въ его рѣчахъ было не мало мотивовъ, знакомыхъ намъ по признаніямъ Станкевича, Бѣлинскаго и Герцена, писавшаго къ невѣстѣ письма изъ далекой провинціи. Но сущность не въ словахъ, даже не въ идеяхъ, а въ нравственномъ результатѣ, вытекающемъ изъ словъ и идей. У Рудина онъ совершенно

другой, чѣмъ у его *историческихъ* сверстниковъ. У тѣхъ анализъ чувства любви усиливалъ сознаніе нравственной отвѣтственности, заставляя ихъ переживать настоящую гамлетовскую драму и, наконецъ, приводилъ къ самопожертвованію во имя *человѣческаго достоинства*. Совершенно иначе отзываются рѣчи Рудина на Лежневѣ. — «Я уши развѣсилъ», повѣствуетъ бывшій влюбленный... «Слова его подѣйствовали на меня необыкновенно. Уваженіе я къ себѣ вдругъ возымѣлъ удивительное, видъ принялъ серьезный и смѣяться пересталъ. Помнится, я даже ходить началъ тогда осторожнѣе, точно у меня въ груди находился сосудъ, полный драгоцѣнной влаги, которую я боялся расплескать... Я былъ очень счастливъ, тѣмъ болѣе, что ко мнѣ благоволили явно»... Таковы послѣдствія рудинскаго краснорѣчія, и намъ невольно припоминается фигура также изъ породы байронствующихъ, но уже вовсе каррикатурная и мелодраматическая — Грушницкій. Несомнѣнно, у Лежнева также «какой-то смѣшной восторгъ блисталъ въ глазахъ», онъ также говорилъ «очень важно», полунамеками, съ сожалѣніемъ ко всѣмъ неосчастливленнымъ и непосвященнымъ въ великія таинства его любви... Если Рудинъ могъ внушить такія настроенія своему другу, что же могъ испытывать онъ самъ? Отнюдь не болѣе возвышенныя чувства, чѣмъ Печоринъ рядомъ съ княжной Мери. Послушайте, какъ Рудинъ объясняетъ Натальѣ свое будущее: «Любовь» (при этомъ словѣ онъ пожалъ плечомъ)... Любовь—не для меня, я... ея не стою; женщина, которая любитъ, въ правѣ требовать всего человѣка, а я ужъ весь отдаться не могу. Притомъ нравиться—это—дѣло юношей: я слишкомъ старъ. Куда мнѣ кружить чужія головы? Дай Богъ свою сносить на плечахъ». Иллюзія полная: стоитъ фамилію Рудинъ подмѣнить какой-нибудь демонической кличкой, и предъ нами самый настоящій

«герой нашего времени» или просто «современный герой». Разница только въ исходной точкѣ: тамъ—«наука любви», здѣсь—нѣмецкая философія, безпрестанно переходящая къ той же наукѣ. На байроническомъ плащѣ прибавилось нѣсколько новыхъ галуновъ и лентъ: это ходячія идеи тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ. Но плащъ остался тотъ же, и въ лицѣ Рудина мы видимъ только новую варіацію на старую тему, новое изданіе, дополненное и исправленное, уже давно всѣми прочитанной книги.

Рудинъ — московскій Чайльдъ-Гарольдъ сороковыхъ годовъ, другими словами—такое же каррикатурное отраженіе гегельянства, какимъ наши демоны были для байронизма. И тогда, и теперь рядомъ шли два теченія. Одно происполнено великаго историческаго и общественнаго значенія, другое—подражательное, модное, разсчитанное на внѣшній эффектъ и эгоистическое самоуслажденіе. Байронизмъ въ его истинно-культурномъ значеніи—благородный протестъ личности противъ обветшалыхъ основъ общества, протестъ свободной личной совѣсти противъ стадныхъ инстинктовъ толпы, борьба за человѣческое достоинство и права разума. И эти силы байронизма сыграли великую роль на Западѣ и у насъ,—въ лицѣ нашихъ геніальныхъ поэтовъ. Пушкинъ, среди повальнаго аристократическаго и чиновнаго презрѣнія къ литературѣ, нашелъ въ себѣ мужество—открыто заявить о значеніи поэта, какъ серьезнаго дѣятеля, поэзіи,—какъ общественнаго служенія. Лермонтовъ, проникнутый тѣмъ же сознаніемъ личной мощи, сумѣлъ спасти яркій огонь вдохновенія отъ свѣтской пошлости и леденящаго равнодушія и неразумія ближайшихъ друзей и родственниковъ. Но Пушкинъ въ то же время облекался въ мантію человѣконенавистничества, Лермонтовъ хотѣлъ казаться Мефистофелемъ и смертоноснымъ демономъ. И оба поэта воплотили въ своихъ произведеніяхъ этотъ *низменный*

сортъ байронизма, сами наказали себя—одинъ въ лицѣ Онѣгина, другой—Печорина и отчасти Грушницкаго. Пушкинъ успѣлъ окончательно сбросить съ себя театральные уборы и произнесъ достойный приговоръ даже надъ своимъ учителемъ. Лермонтовъ несомнѣнно шелъ къ тому же результату,—смерть захватила его на пути, и онъ унесъ въ могилу еще нѣкоторые отзвуки юношескаго демонизма.

Гегельянство вызвало аналогичныя явленія. Рядомъ съ людьми глубокой вѣры и восторженнаго идеализма шумѣли мелкіе эксплоататоры великихъ идей и благороднѣйшихъ стремленій. Бѣлинскій могъ все забыть, разрѣшая вопросъ о существованіи Бога, Станкевичъ могъ негодовать на свои физическія немощи изъ страха не выполнить начертанной программы. Но здѣсь же выростали живыя карикатуры на увлеченіе Бѣлинскаго и гнѣвъ Станкевича, и въ то время, когда для однихъ въ неустанной мысли заключались и мука, и счастье, для другихъ—и философія, и поэзія служили только бутафорскими средствами для новаго спектакля на тему демонизма.

Любитъ-ли Рудинъ Наталью?

Отъ рѣшенія этого вопроса зависитъ нравственная оцѣнка его поведенія въ послѣднемъ свиданіи. Если любитъ, тогда его колебанія—трусость, боязнь нравственной и практической отвѣтственности. Если нѣтъ—его резонерство въ критическій моментъ, ни болѣе, ни менѣе, какъ желаніе обычнымъ словоизверженіемъ прикрыть отсутствіе настоящаго чувства. Критики обыкновенно рѣшали вопросъ въ первомъ смыслѣ: діалектикъ и мыслитель оказывался несостоятельнымъ въ практическомъ отношеніи. Объясненіе весьма простое, давно уже установившееся для всѣхъ Гамлетовъ, но только къ Рудину оно непримѣ-

нимо. Онъ *не любитъ* Натальи на столько, чтобы связать съ ней свою жизнь. И это общее свойство демоновъ мелкаго разбора. Они pousseuses de grands sentiments, какъ выражались въ XVII вѣкѣ, и на самомъ дѣлѣ такъ же мало способны къ сильнымъ органическимъ увлеченіямъ, какъ и ихъ первообразы. Грушницкій безъ всякихъ стѣсненій изображаетъ «большія чувства»,—Рудинъ несравненно умнѣе, и поэтому его заявленія скромнѣе, но смыслъ тотъ же. Наталья только-что призналась ему въ любви. Рудинъ остается одинъ при лунномъ свѣтѣ, произноситъ всего нѣсколько словъ, но какъ краснорѣчивы эти слова!—«Я счастливъ,—произнесъ онъ вполголоса.—Да, я счастливъ,—повторилъ онъ, какъ бы желая убѣдить самого себя. Онъ выпрямилъ свой станъ, встряхнулъ кудрями и пошелъ проворно въ садъ, весело размахивая руками». Дальше мы узнаемъ о свиданіи Рудина съ Волынцевымъ: осчастливленный герой вздумалъ подѣлиться своимъ счастіемъ съ завѣдомымъ соперникомъ... Точь-въ-точь, какъ Грушницкій приходитъ къ Печорину изливать свои восторги... Поступаетъ ли такъ влюбленный, умѣющій беречь свое чувство и цѣнить любимую дѣвушку? Очевидно, и здѣсь для Рудина весь вопросъ въ интересномъ зрѣлищѣ, въ настроеніи, увлекающемъ его самого съ художественной, артистической точки зрѣнія. Пятый актъ всей этой траги-комедіи вполнѣ достоинъ начала. Мы говоримъ о письмѣ Рудина къ Натальѣ. Онъ въ послѣдній разъ обращается къ ней, послѣ разлуки, повергшей ее въ отчаяніе. И неужели у него не нашлось бы простыхъ сердечныхъ словъ даже въ эту минуту, если бы для него разлука являлась дѣйствительно лишеніемъ, разрывомъ съ единственно-дорогимъ человѣкомъ? У Рудина совершенно не оказывается такихъ словъ, онъ письмо сочиняетъ, какъ нѣкую адвокатскую рѣчь, по всѣмъ правиламъ риторики, съ умными

разсужденіями, съ чувствительными изліяніями, съ лирическимъ безпорядкомъ и безчисленными многоточіями. Вотъ разсказъ объ этихъ странныхъ минутахъ «несчастнаго любовника»: «Онъ очень долго сидѣлъ надъ этимъ письмомъ, многое въ немъ перемарывалъ и передѣлывалъ и, тщательно списавъ его на тонкомъ листѣ почтовой бумаги, сложилъ его какъ можно мельче и положилъ въ карманъ. Съ грустью на лицѣ прошелся онъ нѣсколько разъ взадъ и впередъ по комнатѣ, сѣлъ на кресло передъ окномъ, подперся рукою; слеза тихо выступила на его рѣсницѣ... Онъ всталъ, застегнулся на всѣ пуговицы, позвалъ человѣка и велѣлъ спросить у Дарьи Михайловны, можетъ ли онъ ее видѣть». Вы чувствуете ироническій тонъ разсказчика, и это вполнѣ естественно. Вся сцена искусственна, театральна, Рудинъ не забываетъ играть роль во всякомъ положеніи, «льются ли рѣкой» его слова или тихая слеза выступаетъ на его рѣсницы... Самое письмо лишено цѣльнаго чувства, лишено даже открытой объединяющей идеи. Сначала Рудинъ изображаетъ себя осужденнымъ на вѣчное одиночество: это величественная картина, намекъ на демоническую карьеру. Въ концѣ письма другой мотивъ нераздѣленныхъ страданій: самобичеваніе. Онъ—«неоконченное существо», онъ «весь разсыпался при первомъ препятствіи», «испугался отвѣтственности», и поэтому «недостоинъ» Натальи. Очевидно, одно представленіе уничтожаетъ другое. То герой вообще врядъ ли способенъ «любить любовью сердца», то, полюбивъ, онъ бѣжитъ отъ отвѣтственности. Письмо, такимъ образомъ, въ послѣднихъ аккордахъ воспроизводитъ излюбленныя темы байроническихъ рѣчей Рудина: геніальничанье рядомъ съ самоуниженіемъ, разсчитаннымъ на созвучныя волненія женскаго сердца. И Рудинъ пока сходитъ со сцены, не сказавъ намъ о себѣ ни одного яснаго, прочнаго, прав-

диваго слова, устроивъ рядъ интересныхъ спектаклей для героини, а въ сущности повторивъ старый репертуаръ при новомъ освѣщеніи,—репертуаръ байронизма съ гегельянскими декораціями. Но пусть Рудинъ сколько угодно притворяется таинственнымъ незнакомцемъ, авторъ все время на сторожѣ, не пропускаетъ ни одного его фальшиваго слова, ни одного поддѣльнаго настроенія. Часто получается впечатлѣніе, будто авторъ преднамѣренно выводитъ своего героя на всеобщее посмѣшище. Таково столкновеніе Рудина съ Волынцевымъ за обѣдомъ, таково свиданіе его съ тѣмъ же Волынцевымъ—факты едва вѣроятной трусости и наивности, такова сцена, сопровождающая письмо къ Натальѣ.

Лежневъ.—Эпилогъ романа.

Въ романѣ существуетъ особое лицо, неистощимое на критику и жестокія насмѣшки надъ Рудинымъ,—его старый товарищъ Лежневъ. Мы знаемъ,—Лежневъ ревнуетъ Александру Павловну къ Рудину, но авторъ стремится изобразить его безукоризненнымъ джентльменомъ, умнымъ, положительнымъ человѣкомъ, неизмѣнно держитъ его на приличной высотѣ сравнительно съ байронствующимъ и въ то же время трусливымъ Рудинымъ: въ результатѣ чувство ревности затушевывается, и предъ нами строгій, но справедливый судья. Положеніе автора, слѣдовательно, вполнѣ очевидно. Онъ необыкновенно сурово относится къ своему герою и даже не хочетъ скрывать этого чувства. Смыслъ такого отношенія, послѣ извѣстнаго намъ личнаго нравственнаго развитія автора, вполнѣ понятенъ. Тургеневъ въ лицѣ Рудина совершаетъ надъ собой тотъ самый судъ художника, какой искони совершали великіе писатели: Гете—въ «*Вертерѣ*» и

отчасти въ «*Фаустѣ*», Шекспиръ—въ трагедіяхъ «*Ромео и Джульетта*» и въ «*Гамлетѣ*», Пушкинъ—въ «*Евгеніи Онѣгинѣ*». Это—вдохновенныя автобіографіи, это, по выраженію Лермонтова, муки, оторванныя отъ сердца и воплощенныя въ образы. Гете на самомъ себѣ объяснилъ психологію этого явленія. Поэта, постигнутаго невзгодой, страстью или тоской, неотступно преслѣдовало стремленіе—возсоздать въ художественномъ произведеніи лично пережитое. И разъ произведеніе возникало,—исчезала и сердечная боль, и душевная истома. Такимъ путемъ созданъ «*Вертеръ*» въ молодые годы и «*Маріенбадская элегія*» въ преклонной старости. И писатель долженъ испытывать истинное нравственное удовлетвореніе, развѣнчивая въ своемъ созданіи собственныя ошибки и неразумныя увлеченія.

У Тургенева, мы знаемъ, лежали на совѣсти подобныя увлеченія. Онъ не хуже Рудина устраивалъ словесные турниры ради эффекта, поражалъ слушателей ослѣпительной вереницей идей, образовъ, и вдохновленный «общимъ сочувствіемъ и вниманіемъ», «увлеченный потокомъ собственныхъ ощущеній»,—еще легче, чѣмъ Рудинъ, «возвышался до краснорѣчія, до поэзіи». У Ивана Сергѣевича, несомнѣнно, была также своя восторженная публика, но были и Лежневы. Именно, они видѣли въ немъ легкомысленнаго краснобая, артиста и виртуоза, не имѣющаго за душой никакихъ прочныхъ, продуманныхъ убѣжденій. «Фраза и поза» характеризовали цѣлый періодъ въ личной жизни геніальнаго художника, и ему ли было не «оторвать», наконецъ, отъ своей личности эти крикливые уборы? И онъ оторвалъ и заклеймилъ ихъ безпощаднымъ смѣхомъ и даже гнѣвомъ въ лицѣ Рудина. Таковъ, по нашему мнѣнію, смыслъ перваго тургеневскаго романа,—несравненно болѣе автобіографическій, чѣмъ историко-общественный. И именно

этотъ смыслъ возвышаетъ значеніе романа и бросаетъ вѣрный свѣтъ на нравственную природу художника и его дальнѣйшій путь развитія. Рудинъ послужилъ духовнымъ самоочищеніемъ для автора. Тургеневу необходимо было освободиться отъ юношескихъ ослѣпленій, отъ праздной игры тщеславнаго воображенія, чтобы вполнѣ сознательно отнестись къ окружающей дѣйствительности и сказать «прочное слово», столь для него желанное и жадно искомое. Но молодой авторъ не могъ остановиться на одномъ отрицаніи, не могъ оставить себя и читателей среди поля, покрытаго осмѣянными фразами и позами, оборванной, потускнѣвшей мишурой. Воспоминанія молодости вообще дороги и близки сердцу, но они еще дороже, когда съ ними соединяется представленіе о былыхъ успѣхахъ, о былomъ блескѣ, безотчетномъ героизмѣ — все равно дѣйствительномъ или театральномъ. Всѣ поэты, развѣнчивая молодыя заблужденія, хранятъ въ сердцѣ какое-то нѣжное чувство къ своимъ героямъ, похожее на чувство отца къ легкомысленному сыну. Гете сознавался, что даже въ старости не могъ безъ глубокаго волненія читать исторію страданій Вертера, Тургеневъ и Лермонтовъ будто невольно отождествляютъ себя со своими героями: такимъ лиризмомъ звучитъ подчасъ ихъ рѣчь непосредственно послѣ уничтожающей ироніи. Молодость незабвенна потому, что невозвратна, и нѣтъ такихъ радостей въ зрѣломъ возрастѣ, чтобы заставить замолчать гдѣ-то далеко едва слышное эхо...

Тургеневъ написалъ въ высшей степени суровую исторію рудинскаго романа, кончилъ ее полнымъ разгромомъ героя, но «минуло около двухъ лѣтъ», — и начинается эпилогъ. Аполлонъ Григорьевъ, единственный изъ видныхъ критиковъ, подмѣтилъ разноголосицу въ романѣ и эпилогѣ, но объяснилъ ее просто непослѣдовательностью

автора, въ высшей степени странной и совершенно неожиданной. На самомъ дѣлѣ авторъ какъ нельзя болѣе послѣдователенъ — съ *психологической* точки зрѣнія — также послѣдователенъ, какъ и Пушкинъ, заявляющій одновременно о своихъ добрыхъ чувствахъ къ Онѣгину и выставляющій его въ комическомъ свѣтѣ. Тургеневъ идетъ тѣмъ же путемъ, только болѣе откровеннымъ и рѣзкимъ. Его романъ прямо дѣлится на двѣ части: въ одной байронствующій гегельянецъ, боящійся даже «касаться нѣкоторыхъ струнъ» въ своемъ сердцѣ, въ другой—честный, мужественный мечтатель и даже *дѣятель* сороковыхъ годовъ. Какъ это могло произойти въ теченіе двухъ лѣтъ? Отвѣта логическаго, убѣдительнаго объективно, нѣтъ и не можетъ быть. Надо стать на мѣсто автора, пишущаго свою исповѣдь, чтобы понять переворотъ, полную реабилитацію Рудина. Сначала его «возстанавливаютъ» на словахъ: Лежневъ теперь его искренній другъ и даже поклонникъ наравнѣ съ Басистовымъ. Теперь онъ все оправдываетъ и все объясняетъ. Но какъ же, спросите вы, можно оправдать факты, разсказанные раньше тѣмъ же Лежневымъ и ясно доказывавшіе, что Рудинъ *тридцатипятилѣтній* Рудинъ — почти невѣжда, недобросовѣстный фразеръ, сомнительный въ своихъ поступкахъ съ друзьями и женщинами? Ни одинъ изъ этихъ фактовъ теперь не опровергается, а другихъ Лежневъ не знаетъ: онъ не видѣлъ Рудина послѣ романа съ Натальей. Неужели только чувство ревности, притомъ далеко неясное и въ глазахъ самого Лежнева врядъ ли основательное, можетъ до такой степени сбить съ толку необыкновенно уравновѣшеннаго и разсудительнаго человѣка? Кромѣ того надо помнить, Лежневъ порвалъ съ Рудинымъ задолго до романа, и встрѣчается съ нимъ крайне непривѣтливо: очевидно, мотивы разрыва были весьма внушительные и вполнѣ соотвѣт-

ствовали разсказамъ Лежнева о Рудинѣ у Волынцевыхъ. Куда же все это исчезло безъ всякаго участія со стороны Рудина,—напротивъ, послѣ его далеко нелестныхъ приключеній у Ласунской? Только-что мы слышали смертный приговоръ герою и видѣли на дѣлѣ, насколько этотъ приговоръ справедливъ,—и вдругъ оправданіе по всѣмъ статьямъ и даже признаніе великой пользы отъ его краснорѣчія, хотя именно оно и заставило Лежнева презирать Рудина за долго до побѣдъ оратора надъ Натальей и Басистовымъ!.. Очевидно, *логическое* объясненіе здѣсь непримѣнимо. Автору нужно во что бы то ни стало создать у читателей новое впечатлѣніе относительно своего героя, и сначала тостъ Лежнева, его жесточайшаго критика, а потомъ—въ видѣ иллюстраціи—появленіе самого Рудина. Въ первой части Рудинъ дѣйствовалъ въ полномъ согласіи съ отзывами Лежнева, являлся комедіантомъ, горе-богатыремъ, безъ любящаго, отзывчиваго сердца, даже трусомъ. Во второй части его дѣйствія другія, потому что и рѣчи Лежнева не тѣ.

«Прошло еще нѣсколько лѣтъ», такъ начинается эпилогъ, и Рудинъ выступаетъ на сцену, чтобы окончательно закрѣпить въ нашемъ представленіи новый образъ. Средство очень простое. Рудинъ разсказываетъ Лежневу о томъ, что произошло съ нимъ за эти «два года» и «еще нѣсколько лѣтъ». И намъ нечего объяснять смыслъ этого разсказа. Гегельянецъ дѣйствовалъ, какъ истинный достойный представитель идеалистической эпохи. Всѣ его предпріятія и стремленія озарены безсмертнымъ пламененъ вѣры въ человѣческія силы и человѣческій прогрессъ. Рудину ни что не удается; онъ всюду терпитъ неудачи и пораженія, но Лежневъ и всякій другой слушатель безусловно на сторонѣ побѣжденнаго. И иначе быть не можетъ. Рудина угнетаютъ чужой эгоизмъ, чужая алчность, недобросовѣстность, онъ настоящій мученикъ идеи,

жертва своего внутренняго прометеева огня, — жертва, все болѣе прекрасная, чѣмъ больше терновыхъ вѣнковъ на ея челѣ... Послѣдній «нумеръ» рудинскихъ «похожденій» — священнѣйшая мечта юношества тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ. Рудинъ сталъ учителемъ, преподавателемъ русской словесности, и онъ описываетъ свои надежды и первыя впечатлѣнія совершенно въ томъ же духѣ, какъ говорили объ этомъ предметѣ Станкевичъ и его друзья. И на этомъ поприщѣ Рудинъ терпитъ пораженіе, но такого сорта, что имъ — пораженіемъ — покрываются всѣ опрометчивыя увлеченія, всѣ слишкомъ громкія рѣчи благороднаго неудачника. И Лежневъ спѣшитъ подтвердить именно этотъ результатъ.—«Ты уваженіе внушаешь мнѣ,—говоритъ онъ,—вотъ что». И у Лежнева есть совершенно убѣдительныя основанія питать такое чувство къ Рудину.—«Отчего ты, странный человѣкъ, съ какими бы помыслами ни начиналъ дѣло, всякій разъ непремѣнно кончалъ его тѣмъ, что жертвовалъ своими личными выгодами, не пускалъ корней въ недобрую почву, какъ она жирна не была?»... И Лежневъ необыкновенно лестно для Рудина объясняетъ его вѣчныя неудачи, не признаетъ, чтобы это мечтанье было плодомъ празднаго безпокойства. —«Огонь къ истинѣ въ тебѣ горитъ и, видно, не смотря на всѣ дрязги, онъ горитъ въ тебѣ сильнѣе, чѣмъ во многихъ, которые даже не считаютъ себя эгоистами, а тебя, пожалуй, называютъ интриганомъ. Да я первый на твоемъ мѣстѣ давно бы заставилъ замолчать въ себѣ этого червя и примирился бы со всѣмъ; а въ тебѣ даже желчи не прибавилось». Естественно, такіе люди возбуждаютъ энтузіазмъ молодежи, и Басистовъ уже давно подготовилъ насъ къ разсужденіямъ Лежнева, восторженно провозгласивъ Рудина «геніальной натурой». Онъ по личному опыту знаетъ великое нравственное вліяніе не-

удачника: «клянусь вамъ, этотъ человѣкъ не только умѣлъ потрясти тебя, онъ съ мѣста тебя двигалъ, онъ не давалъ тебѣ останавливаться, онъ до основанія переворачивалъ, зажигалъ тебя».

И такимъ былъ Рудинъ съ самаго начала... Теперь этотъ талантъ выступаетъ на первый планъ, а раньше онъ пропадалъ въ безднѣ праздныхъ искусственныхъ рѣчей, эффектныхъ жестовъ, размалеванныхъ демоническихъ страданій... И соображенія о возрастѣ, болѣе зрѣломъ, здѣсь безусловно неумѣстны. Рудинъ не былъ юношей въ минуту перваго появленія на сцену: Лежневъ совершенно справедливо находилъ, что «въ года Рудина стыдно тѣшиться шумомъ собственныхъ рѣчей, стыдно рисоваться»... И вдругъ, уѣхавъ отъ Ласунской, Рудинъ вступилъ на совершенно другую дорогу, прощеголявъ въ пестромъ плащѣ новаго Чайльдъ-Гарольда почти до сорока лѣтъ... Нѣтъ, фактическая исторія и общая психологія приведутъ насъ къ неразрѣшимой загадкѣ. Объясненія слѣдуетъ искать въ нравственномъ и творческомъ мірѣ самого автора. Второй Рудинъ—дѣйствительно типъ идеалиста, стоящаго слишкомъ высоко надъ современной дѣйствительностью, предъявляющаго людямъ и жизни непосильныя и мало доступныя для нихъ требованія. Онъ—жертва великихъ задачъ, проникающихъ все его существо и не приспособленныхъ къ общественнымъ и историческимъ условіямъ извѣстной среды. Гдѣ нибудь, среди другихъ людей Рудинъ, можетъ быть, и нашелъ бы исходъ своей жаждѣ—героическаго поприща. Авторъ заставляетъ своего героя умереть на парижскихъ баррикадахъ въ 1848 г., въ іюньскіе дни, умереть, слѣдовательно,—за рабочихъ. Смерть сѣдовласаго русскаго гегельянца въ междоусобицахъ чужого народа производитъ на насъ сложное впечатлѣніе, не комическое, не театральное, а какое-то гнетущее, болѣзненное. Французъ, умирающій

на тѣхъ же баррикадахъ,—герой, но участь Рудина, не смотря на весь драматизмъ, вызываетъ еще другое чувство, — то самое, какимъ авторъ кончаетъ разсказъ о встрѣчѣ Рудина съ Лежневымъ.—«Лежневъ долго ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ, остановился передъ окномъ, подумалъ, промолвилъ вполголоса: «бѣднякъ», и, сѣвъ за столъ, началъ писать письмо къ своей женѣ. А на дворѣ поднялся вѣтеръ и завылъ зловѣщимъ завываньемъ, тяжело и злобно ударяясь въ звенящія стекла. Наступила долгая, осенняя ночь. Хорошо тому, кто въ такія ночи сидитъ подъ кровомъ дома, у кого есть теперь уголокъ... И да поможетъ Господь всѣмъ безпріютнымъ скитальцамъ!» И мы знаемъ, у кого этотъ уголокъ и кто безпріютный скиталецъ, и не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія на счетъ нашего равнодушія и сочувствія. Еще раньше послѣдняго появленія Рудина у автора будто невольно сорвалось замѣчаніе о бывшемъ товарищѣ и грозномъ судьѣ нашего героя. Собственно рѣчь идетъ о сынѣ Лежнева, но ея смыслъ необыкновенно краснорѣчивъ и для отца.—«Ребенокъ не пищалъ, съ важностью сосалъ свой палецъ и спокойно посматривалъ кругомъ. Достойный сынъ Михайла Михайловича уже сказывался въ немъ». Объясненія излишни, Рудинъ—«безпріютный скиталецъ», вызывающій молитву, Лежневъ—достойный отецъ сына, сосущаго свой палецъ и спокойно посматривающаго на весь міръ... Такъ перемѣнились роли героевъ! И—что еще важнѣе – до неузнаваемости преобразовалось настроеніе автора. Его чувства и мысли до такой степени различны, что въ сущности передъ нами два героя и два, романа: одинъ герой—незаконное дѣтище философской эпохи, другой—ея истинный сынъ. Въ лицѣ одного писатель подвергъ безпощадному униженію все фальшивое все актерское и виртуозное въ русскихъ гегельянцахъ

въ лицѣ другого — вспомнилъ завѣты и жизнь благороднѣйшихъ учениковъ германской мысли. Такое совмѣщеніе въ одномъ лицѣ двухъ разнородныхъ общественныхъ теченій наноситъ жестокій ударъ психологической правдѣ и художественной гармоніи романа. Но это совмѣщеніе — *личный опытъ* самого автора и, вѣроятно, не одного его въ ту же эпоху. Ошибка заключается не въ самомъ типѣ, а въ произведеніи. Вмѣсто того, чтобы постепенно вводить читателя въ развивающійся духовный міръ героя, авторъ предпочитаетъ отрывочныя сообщенія о *результатахъ*. Мы читаемъ: «минуло около двухъ лѣтъ», «прошло еще нѣсколько лѣтъ»—и занавѣсъ поднимается, а именно въ антрактахъ произошло все существенное, что намъ надо было *видѣть*. Цѣльность дѣйствующаго лица исчезаетъ и ее можно возстановить только путемъ разсужденій—біографическаго и психологическаго характера. Въ моментъ возникновенія романа его герой, можетъ быть, самому автору являлся чѣмъ-то смутнымъ и двусмысленнымъ. И это вполнѣ естественно. Понять, Рудина для Тургенева въ сильной степени значило понять самого себя. А такая «зрѣлость созерцанія» дается лишь годами вдумчивости, безпристрастнаго и спокойнаго самонаблюденія. Врядъ ли это было доступно писателю, едва покончившему съ «бурнымъ періодомъ» своей жизни и, вѣроятно, носившему въ себѣ еще не мало рудинскихъ элементовъ. Одинъ изъ этихъ элементовъ, только уже послѣдующаго развитія, элементъ *эпилога*, принадлежалъ самой натурѣ писателя. Это—мужество и послѣдовательность на почвѣ общихъ вопросовъ, безсиліе и колебанія въ будничныхъ положеніяхъ жизни. Тургеневъ не скрывалъ своего слабоволія и обнаруживалъ этотъ недостатокъ на каждомъ шагу въ практическихъ вопросахъ, отступалъ при первомъ натискѣ энергичнаго или просто ловкаго человѣка. Мы, кромѣ того, убѣждаемся въ не-

обыкновенной терпимости Тургенева къ чужимъ мнѣніямъ и взглядамъ, въ его уваженіи къ чужимъ идеямъ, какъ бы сильно онѣ ни противорѣчили его собственному міросозерцанію. Все это — качества, безусловно культурныя, благородныя; но на практикѣ они вызываютъ нерѣдко тяжелыя огорченія. Для житейской борьбы подчасъ необходима извѣстная односторонность, рѣшительность, независимая отъ логическихъ процессовъ и даже общихъ нравственныхъ соображеній. Въ иныхъ положеніяхъ отъ дѣятеля, во что бы то ни стало преслѣдующаго личный успѣхъ, требуется извѣстный компромиссъ съ совѣстью и убѣжденіями. Такого рода побѣды предосудительны съ нравственной и идейной точекъ зрѣнія, но часто только онѣ и возможны на аренѣ будничныхъ столкновеній. Тургеневъ не былъ способенъ идти такимъ путемъ, даже больше — отступалъ отъ *личной* борьбы, если вопросъ шелъ объ удовлетвореніи его *личныхъ* интересовъ. Это — несомнѣнно одна изъ чертъ, входящихъ въ сложный характеръ Рудина. Не даромъ герой умираетъ за идею, за вопросъ, для него практически безразличный, но въ своей личной жизни, въ практическихъ интересахъ онъ терпитъ одну неудачу за другой. Самъ авторъ въ этомъ отношеніи напоминаетъ своего героя. (*Ив. Ивановъ*. «Иванъ Сергѣевичъ Тургеневъ. Жизнь.—Личность.—Творчество». СПБ., 1896 г.).

Рудинъ и Гамлетъ Щигровскаго уѣзда. — Общія черты между этими типами. — Рудинъ, какъ продуктъ барской среды.

Типъ Рудина, существующій въ образованномъ русскомъ обществѣ въ самыхъ многочисленныхъ видоизмѣненіяхъ, въ извѣстномъ смыслѣ успѣлъ проявиться у Тургенева еще въ «Запискахъ охотника», а именно, въ лицѣ «Гамлета Щигровскаго уѣзда», который другою своею стороною—озлобленностью (а въ частности—озлобленностью противъ женщинъ) является какъ бы первымъ наброскомъ другого лица — Пигасова, занимающаго въ своемъ родѣ видное мѣсто въ повѣсти «Рудинъ». Но самое существенное въ уѣздномъ «Гамлетѣ» — это даромъ пропадающая жизнь въ сущности умнаго человѣка,— черта совершенно рудинская. Разница собственно въ томъ, что тургеневскій «Гамлетъ», какъ и подобаетъ Гамлету, съ самаго начала уже выводится передъ читателемъ вполнѣ сознающимъ свою, такъ сказать, тщету и самолюбиво страдающимъ отъ такого сознанія. Въ немъ не видать того перевѣса воображенія, который на долгое время обольщаетъ на счетъ его собственныхъ силъ слишкомъ поздно доходящаго до самосознанія Рудина. Въ Щигровскомъ Гамлетѣ, напротивъ того, мы замѣчаемъ лишь умъ, неумолимо разлагающій собственную природу,—умъ, который и даетъ ему со всею ясностью видѣть, что разгадка его пустоты—это недостатокъ самородной, творческой силы, того, что называютъ оригинальностью. «Что мнѣ въ томъ, говоритъ онъ, что у тебя голова велика, умѣстительна, и что понимаешь ты все, много знаешь, за вѣкомъ слѣдишь,—да своего-то, особеннаго, собственнаго у тебя ничего нѣту! Однимъ складочнымъ мѣстомъ

общихъ мѣстъ на свѣтѣ больше,—да какое кому отъ этого удовольствіе? Нѣтъ, ты будь хоть глупъ, да по своему». Но тотъ же далеко не дюжинный умъ выясняетъ ему и причину такой пустоцвѣтности. «Какую, скажите на милость, спрашиваетъ онъ, какую пользу могъ я извлечь изъ энциклопедіи Гегеля? Что общаго, скажите, между этой энциклопедіей и русскою жизнью?» Но онъ идетъ далѣе, онъ съ самой ѣдкой ироніей дѣлаетъ изъ этого жизненный выводъ, выражающійся въ видѣ вопроса: «Такъ зачѣмъ же ты таскался заграницу? Зачѣмъ не сидѣлъ дома да не изучалъ окружающей тебя жизни на мѣстѣ?.. Да помилуйте... гдѣ же нашему брату изучать то, чего еще ни одинъ умница въ книгу не вписалъ! Я бы и радъ былъ брать у нея уроки, у русской жизни-то,—да молчитъ она, моя голубушка. Пойми меня, дескать, такъ, а мнѣ это не подъ силу, мнѣ вы подайте выводъ, заключеніе мнѣ представьте»... Такая привычка пользоваться уже готовымъ, чужою умственною работою «жаръ загребать», сложилась въ нашемъ Гамлетѣ уже издавна. Еще въ университетѣ попалъ онъ въ такъ называемый „кружокъ“, а это, по его признанію, „гибель всякаго самобытнаго развитія“... „Кружокъ пріучаетъ къ безплодной болтовнѣ, отвлекаетъ васъ отъ уединенной благодатной работы, прививаетъ вамъ литературную чесотку, лишаетъ васъ, наконецъ, свѣжести и дѣвственной крѣпости души... Въ кружкѣ поклоняются пустому краснобаю... въ кружкѣ наблюдаютъ другъ за другомъ не хуже полицейскихъ чиновниковъ... О, кружокъ!.. Ты заколдованный кругъ, въ которомъ погибъ не одинъ порядочный человѣкъ!..“ Чтобы понять все жизненное значеніе этихъ словъ тургеневскаго «Гамлета», стоитъ только вспомнить тогдашнее значеніе кружковъ—хотя бы того, въ которомъ Бѣлинскій набрался Гегеля, и, на нѣсколько лѣтъ своей кратковременной жизни сбившись, вслѣдствіе этого, съ

настоящаго своего пути, только высокою своею даровитостью снова былъ выведенъ на свободу, снова сталъ говорить—не съ чужого голоса. Надо, однакожъ, замѣтить, что коренная причина того забиванія личности, какое происходило, а отчасти и происходитъ въ нашихъ кружкахъ, осталась не вполнѣ разъясненною для нашего «Гамлета». Дѣло въ томъ, что горланы или умственные «міроѣды» кружка подвергаютъ другихъ тому же самому гнету, который вынесли на самихъ себѣ, но который представляется имъ не гнетомъ, а чѣмъ-то скорѣе освободительнымъ или просвѣтительнымъ. Если своими «готовыми взглядами» они забивали и забиваютъ умственную самодѣятельность новобранцевъ своего кружка, то потому лишь, что, сами получивъ эти взгляды уже совершенно готовыми изъ какихъ-нибудь книгъ, привыкли принимать подобный «заемъ» за собственный, добытый трудомъ, капиталъ. Все это развѣ смутно представлялось Щигровскому Гамлету, когда онъ рѣшился отправиться лично туда, гдѣ совершались наши умственные займы—въ Германію: вѣдь если ужъ занимать, то изъ первыхъ рукъ. И что же? «Нечего и говорить, сознается онъ, что собственно Европы, европейскаго быта я не узналъ ни на волосъ; я слушалъ нѣмецкихъ профессоровъ и читалъ нѣмецкія книги на самомъ мѣстѣ рожденія ихъ... вотъ въ чемъ состояла разница». Дома пріученный, подъ вліяніемъ своего кружка, читать эти нѣмецкія книжки *помимо жизни,* т. е. окружавшей его, родной русской жизни (которая уже въ самомъ дѣтствѣ была отъ него заслонена «французскимъ его гувернеромъ—нѣмцемъ Филипповичемъ изъ нѣжинскихъ грековъ» и развѣ украдкой проглядывала передъ нимъ въ тогдашнихъ университетскихъ, по большей части, вполнѣ отвлеченныхъ лекціяхъ); привыкнувъ мыслить только по книгамъ, совершенно помимо жизни, онъ и въ Германіи также мало

былъ склоненъ къ тому, чтобы непосредственно вглядѣться въ самую жизнь,—ту жизнь, на почвѣ которой родились эти книжки. Разсудивъ, при отправленіи заграницу, и даже основательно разсудивъ, что «наука-то, кажись, вездѣ одна», онъ не зналъ, какъ не знаютъ еще и теперь очень многіе, что наука съ ея цѣлью—истиной—не въ однѣхъ книжкахъ, что овладѣть ею значитъ умѣть сознавать непосредственное возникновеніе ея изъ жизни, стать способнымъ и собственной сметкой выводить ее изъ всего, что насъ окружаетъ, особливо же изъ того, что еще не начато. Не достигнувъ этого и заграницей, Щигровскій Гамлетъ, по собственному его сознанію, «остался тѣмъ же неоригинальнымъ существомъ», и только испыталъ въ этомъ отношеніи участь цѣлаго множества нашихъ соотечественниковъ, отличаясь отъ нихъ однакоже тѣмъ, что имъ отъ подобной неоригинальности, повидимому, и горя мало, онъ же постоянно томится ея сознаніемъ.

Разъясненіе Щигровскаго Гамлета необходимо для настоящаго пониманія Рудина, какъ съ другой стороны полный свѣтъ на этотъ послѣдній типъ кидается только позднѣйшими тургеневскими типами. Какъ представитель нашего дѣйствительно образованнаго (а не только свѣтски-натертаго) люда, «Гамлетъ Щигровскаго уѣзда» ярко выдается изъ ряда другихъ «охотничьихъ» типовъ нашего писателя (такіе, тоже образованные люди, какъ Королевъ и т. п., только слегка обрисовываются одно-дворцемъ Овсянниковымъ, а не выступаютъ передъ читателемъ сами, какъ непосредственно дѣйствующія лица). А между тѣмъ, если вдуматься, то и Щигровскій Гамлетъ окажется тѣсно связяннымъ съ той барской средой, которая раскрывается передъ нами въ «Запискахъ охотника». Вѣдь самое это отвлеченное направленіе мысли, самое ученье помимо жизни возможно только въ барской

средѣ, той средѣ, гдѣ не имѣлось живой насущной потребности *дѣла*, а потому-то все, даже самое знаніе, могло обращаться въ *бездѣлье*. въ какой-то возвышенный способъ коротать время.

Такимъ же созданіемъ барской среды является передъ нами и Рудинъ—человѣкъ, хотя и бѣдный, но, благодаря вредному самоотверженію своей матери, воспитанный все-таки барчукомъ. Мѣсто дѣйствія, гдѣ знакомится съ нимъ читатель,—одинъ изъ тѣхъ барскихъ салоновъ, въ которыхъ у насъ умудрялись сооружать посреди деревни столицу, или даже своего рода Парижъ эпохи энциклопедистовъ съ ея дамами ésprit fort (извѣстно, что мы постоянно проходимъ «зады» европейской жизни). Надо замѣтить, что міръ, окружающій эту столицу въ деревнѣ съ ея салономъ, какъ бы совершенно не существуетъ для проживающихъ въ ней и даже для ея просвѣтительнаго оратора и трибуна Рудина. Только самъ авторъ вначалѣ даетъ намъ заглянуть мелькомъ въ этотъ окружающій міръ, вводя насъ въ душную избу крестьянки, больной горячкой, вводя съ одною изъ менѣе развитыхъ личностей повѣсти, сестрою также простодушнаго Волынцева; другимъ, болѣе развитымъ личностямъ повѣсти некогда оглядываться вокругъ себя—онѣ слишкомъ погружены въ свои мысли. Вспомните тотъ обѣдъ у меценатствующей помѣщицы генеральши, къ которому ожидаютъ проѣзжаго барона для слушанія его политико-экономической статьи, и первое появленіе посланнаго имъ за себя Рудина. Не смотря на нерасполагающую роль подставного лица, Рудинъ, однако же, сразу производитъ впечатлѣніе обаятельное и совершенно, повидимому, уничтожаетъ долго игравшаго у Ласунской чуть ли не первую роль, ядовитаго отрицателя и ненавистника человѣческаго рода Пигасова. «Стало быть, по вашему, убѣжденій нѣтъ?—спрашиваетъ его Рудинъ.—«Нѣтъ, и не существуетъ».—

Это ваше убѣжденіе?»—Да.—«Какъ же вы говорите, что ихъ нѣтъ? Вотъ вамъ уже одно на первый случай». При такихъ и подобныхъ тому пріемахъ, и самъ читатель на первыхъ порахъ готовъ удивляться совершенно, повидимому, ясному и здравому уму Рудина. Но вскорѣ уже ему—то есть только читателю, а не окружающимъ—приходится немного разочароваться. На различныя отрицательныя выходки со стороны Пигасова Рудинъ отвѣчаетъ уже совершенно неопредѣленною фразой, что надо желать «быть и жить въ истинѣ». Онъ думаетъ выяснить свою мысль наглядно, приводя скандинавскую легенду о птичкѣ, которая влетѣла во время ужина въ царскую палату и, тотчасъ же изъ нея вылетѣвъ, пропала въ ночной темнотѣ и возбудила заботливое вниманіе царя. «Царь, птичка и въ темнотѣ не пропадетъ и свое гнѣздо сыщетъ», успокоиваютъ царя его собесѣдники. Самъ же Рудинъ дѣлаетъ изъ этого слѣдующее заключеніе: «наша жизнь быстра и ничтожна, но все великое дѣлается черезъ людей. Сознаніе быть орудіемъ тѣхъ высшихъ силъ должно замѣнить человѣку всѣ другія радости; въ самой смерти найдетъ онъ свою жизнь, свое гнѣздо». Тутъ, какъ не трудно замѣтить, вполнѣ уже сказывается тотъ туманный идеализмъ, которымъ такъ долго у насъ пробавлялись и въ разговорахъ, и въ книгахъ. И извѣстная доля такого идеализма въ свое время не только не отталкивала, но даже отчасти могла привлекать не однѣхъ, едва расцвѣтающихъ и ищущихъ хоть какой-нибудь теплоты и свѣта, впечатлительныхъ дѣвушекъ, какова Наташа, но даже и вкусившихъ уже университетской науки юношей — въ родѣ Басистова (въ настоящее время, конечно, — и это весьма ощутительный признакъ нашего умственнаго успѣха—ни одного изъ нихъ уже не плѣнишь какими-нибудь фразами). Въ пылу овладѣвшаго ими очарованія, не только Наташа,

но и Басистовъ слушаютъ—не наслушаются Рудина, и даже студенту нисколько не представляется страннымъ, какъ это, случайно явившись съ чужимъ порученіемъ къ Ласунской, Рудинъ заживается у нея на нѣсколько мѣсяцевъ, и ораторствуетъ себѣ, да ораторствуетъ о различнаго рода высшихъ вопросахъ, иногда ниспускаясь на землю къ вопросамъ хозяйственнымъ, предлагая Ласунской различнаго рода нововведенія, предлагая ихъ такъ, безъ малѣйшей надежды на осуществленіе, или, лучше сказать, безъ малѣйшей заботы о томъ. И не только Наташѣ, но и Басистову не навертывается на умъ вопросъ: неужели умному человѣку нечего болѣе дѣлать, какъ только рисоваться передъ этой мишурной царицей салона? Между тѣмъ Рудинъ, очевидно, воображаетъ, что онъ дѣлаетъ дѣло: онъ привыкъ видѣть дѣло въ безплодномъ ораторствованіи, онъ успѣлъ уже на это убить значительную часть своей жизни. Онъ, очевидно, и изъ этой пустѣйшей Ласунской создаетъ себѣ, силой воображенія, такую почву, которая способна воспринимать обильное сѣмя его рѣчей, и такимъ образомъ разыгрывающееся воображеніе доставляетъ богатую пищу его самолюбію: извѣстно, что оно особенно развито у людей, съ избыткомъ одаренныхъ воображеніемъ, этою волшебною силой, умѣющей создавать что угодно почти что изъ ничего, а потому и поднимать одареннаго имъ на любую, хотя бы и неподобающую ему, высоту. Но если питавшее его самолюбіе, свѣтски-холодное благоговѣніе передъ нимъ Ласунской, тѣмъ болѣе заставляло его окружать эту барыню какимъ-то особымъ, отъ него же въ главнѣйшей мѣрѣ и падавшимъ на нее сіяніемъ, то что же должно было въ немъ возбуждать то настоящее горячее чувство безграничной привязанности, которое онъ замѣчалъ въ Наташѣ? Въ лѣтахъ, уже вовсе немолодыхъ, сдѣлаться

вдругъ предметомъ страсти дѣвушки, не успѣвшей еще никого полюбить,—не значило ли это увидѣть свое самолюбіе до того польщеннымъ, что тѣмъ самымъ вызывалась невольно отвѣтная страсть, которая и не замедлила, повидимому, развиться — но исключительно подъ вліяніемъ того же, царившаго въ немъ, воображенія. И вотъ любовь къ Наташѣ представилась ему новымъ *дѣломъ*, задерживающимъ его у Ласунской.

Чѣмъ, однако же, сильнѣе привязывается Наташа къ Рудину, чѣмъ выше становится онъ въ ея мнѣніи, тѣмъ рѣшительнѣе дѣйствуетъ на нее съ его стороны всякая такая обмолвка, которая попадаетъ въ противорѣчіе съ идеаломъ, составленнымъ ея свѣтлымъ воображеніемъ. Между тѣмъ, уже въ первомъ откровенномъ своемъ разговорѣ съ нею, упомянувъ о своей деревенькѣ, онъ выражаетъ намѣреніе остаться въ ней, потому что ему «пора отдохнуть». Это сразу поражаетъ Наташу, то-есть ее поражаетъ не то, что мѣстомъ для отдыха онъ почитаетъ *деревню:* въ ту пору это никого не могло поразить, потому что въ деревнѣ именно только отдыхали, въ ней почти не видѣли возможности дѣла, и различныя тяжелыя ея впечатлѣнія не мѣшали нравственно сибаритствовать никакому идеалисту. Наташу собственно поражаетъ самое стремленіе къ *отдыху*, преждевременное, на ея взглядъ, для ея героя, прекрасныя рѣчи котораго принимала она за чистыя деньги. «Отдыхать, — говоритъ она,—могутъ другіе, а вы... вы должны трудиться, стараться быть полезнымъ... Кому же, какъ не вамъ!» — И, сразу понявъ, что онъ вышелъ изъ своей, хотя бы и безъ всякой умышленной фальши, разыгрываемой роли, Рудинъ спѣшитъ поправиться: «ваше слово напомнило мнѣ мой долгъ, указало мнѣ мою дорогу... Да, я долженъ дѣйствовать... Я не долженъ растрачивать свои силы на одну болтовню, пустую, безполезную

болтовню, на одни слова». Но тутъ же опять слова, тѣ же, какъ бы сдѣлавшіяся его второю натурой, слова опять полились у него рѣкою, потѣшая попрежнему его самолюбіе, попрежнему заставляя его видѣть въ нихъ— какъ будто бы дѣло, какъ будто бы силу!

Но не только влюбленная и дѣтски впечатлительная Наташа,—и гораздо менѣе ея даровитая, за то гораздо болѣе спокойная, трезвая духомъ вдовушка, сестра Волынцева, въ сильной степени увлечена Рудинымъ. И вотъ, въ ея глазахъ старается разоблачить его Лежневъ, его товарищъ по университету. Въ весьма несочувственной оцѣнкѣ имъ Рудина кое-что, конечно, должно быть объяснено тѣмъ, что онъ ревнуетъ ее къ нему,—обстоятельство, разумѣется, не служащее къ чести Лежнева, который, однако же, миритъ насъ съ собою впослѣдствіи, когда самъ совершенно чистосердечно кается въ этомъ. Но такъ какъ господствующею чертою Лежнева, тѣмъ не менѣе, остается прямота и правдивость, нерасположеніе ко всякой рисовкѣ или риторикѣ, то мы вполнѣ можемъ понять, что, и помимо всякихъ постороннихъ соображеній, весьма многое не могло его не отталкивать въ Рудинѣ. Между тѣмъ, въ юности самъ онъ, вмѣстѣ съ другими, увлекался Рудинымъ и разочаровался въ немъ такъ же точно, какъ впослѣдствіи, прямо уже на глазахъ у учителя, разочаровывается Наташа. И вообще изъ того, что непосредственно происходитъ передъ читателемъ, можно, мнѣ кажется, заключить о возможности большей части того, что мы узнаемъ о Рудинѣ изъ словъ Лежнева. Единственный сынъ у матери и съ самаго нѣжнаго дѣтства предметъ ея обожанія, которому она постоянно приносила жертвы, лишая себя всего, чтобы не дать ему и почуять, что значатъ лишенія, — Рудинъ, какъ и всѣ любимцы, уже съ дѣтства пріучился считать самого себя какимъ-то центромъ всего окружающаго,

т. е. безсознательно сдѣлался себялюбцемъ. Принимая все, что дѣлала для него мать, за какую-то должную ему дань, съ другой же стороны, чувствуя свое умственное передъ ней превосходство и при этомъ самолюбиво не сознавая, что онъ ей же былъ имъ обязанъ, Рудинъ, проживая впослѣдствіи заграницей, не чувствовалъ даже влеченія особенно часто писать къ матери. До поѣздки своей заграницу, еще студентомъ университета, онъ, благодаря своимъ блестящимъ способностямъ, сдѣлался такимъ же собирателемъ дани съ товарищей, какимъ былъ прежде въ отношеніи къ матери. И дань эта была не только духовная дань удивленія,—но иной разъ и матеріальная: онъ, какъ будущій геній, не видѣлъ ничего предосудительнаго въ томъ, чтобы содержаться на средства богатаго князька, своего товарища (какъ впослѣдствіи, на глазахъ учителя, не считаетъ предосудительнымъ—кромѣ дани удивленія съ Ласунской, получить и денежную— въ видѣ займа). Вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ настоящій божокъ, онъ былъ для своихъ товарищей и истолкователемъ ихъ сокровеннѣйшихъ чувствъ, и посредникомъ-разрѣшителемъ ихъ сердечныхъ дѣлъ. Такъ, узнавъ о любви Лежнева къ одной дѣвушкѣ, онъ «вслѣдствіе своей проклятой привычки каждое движеніе жизни, своей и чужой, пришпиливать словомъ, какъ бабочку булавкой», пустился обоимъ имъ объяснять ихъ самихъ, ихъ отношенія, вступилъ даже въ переписку съ ними— и сбилъ ихъ совершенно съ толку. Понятно послѣ всего этого, что Лежневъ его называетъ *деспотомъ* (который, какъ и многіе деспоты, силенъ только слабостью другихъ); онъ считаетъ его *холоднымъ какъ ледъ* (то-есть, не признаетъ въ немъ настоящаго чувства, которое замѣняется въ немъ воображеніемъ). «Никто такъ легко не увлекается, какъ безстрастные люди», замѣчаетъ Лежневъ, и онъ совершенно правъ, потому что они ув-

лекаются собственно своимъ разыгрывающимся, все для ихъ замѣняющимъ, воображеніемъ. Наконецъ, какъ извѣстно, Лежневъ его называетъ *кокеткой*,—а на бѣду онъ кокетничаетъ, то есть кокетничаетъ своимъ умомъ, не передъ одной пожилой Ласунской, но и передъ ея дѣтски-довѣрчивой, чистой, отзывчивой дочерью.

Сильнымъ подтвержденіемъ вѣрности большей части того, что говоритъ о немъ Лежневъ, является странное посѣщеніе Рудинымъ Волынцева. Онъ считаетъ какъ бы священнымъ долгомъ посвятить своего неудачливаго соперника въ тайну своей счастливой любви къ общему ихъ предмету—Наташѣ. Волынцевъ—человѣкъ простой, привыкшій, какъ самъ говоритъ, «ѣсть пряники непеченные»,—и взбѣшенъ, и поставленъ въ тупикъ этимъ, совершенно для него непонятнымъ, поступкомъ, но для Лежнева дѣло ясно. «Оно, вишь ты, и благородно, и откровенно, ну, да и поговорить представляется случай, и распорѣчіе въ ходъ пустить».

Мы не станемъ слѣдить за извѣстной исторіей любви Рудина къ Наташѣ, то-есть постепеннаго самолюбиваго влюбленія имъ ея въ себя. Но вотъ цѣль достигнута: она не можетъ жить безъ него, но мать не согласится на ея бракъ съ нимъ, и ей остается только бѣжать съ Рудинымъ. Она готова на все; но онъ? Въ рѣшительную минуту ему сразу становится ясно, что онъ никогда ее не любилъ «настоящей любовью, любовью сердца, а не воображенія» (собственныя его слова). Изъ того, какъ онъ отвѣчаетъ на ея готовность бѣжать, и ей становится сразу ясно, что онъ никогда ея не любилъ. Потому-то и было ему «далеко отъ слова до дѣла», потому-то онъ, по ея словамъ, и «струсилъ» передъ рѣшительнымъ шагомъ. И что же? Слова ея только задѣваютъ въ немъ самолюбіе; оно и въ эту минуту говоритъ въ немъ сильнѣе совѣсти, такъ что у

него достаетъ духу *обратить къ ней* ея упрекъ. «*Вы* трусите, а не я!» говоритъ онъ бѣдной Наташѣ, когда она, наконецъ, вспоминаетъ о томъ, какимъ нареканіямъ подвергаетъ она себя этимъ напраснымъ свиданіемъ съ нимъ.

Съ отношеніями къ Наташѣ Рудина въ эту минуту не лишнее будетъ сопоставить въ «Запискахъ охотника» отношенія къ Петру Петровичу Каратаеву страстно имъ любимой Матрены. И эта крестьянская дѣвушка «трусила», какъ и Рудинъ, но причины ихъ трусости совершенно различны. Матрена боялась, что за побѣгъ ея поплатятся ея родные, и, чтобъ спасти ихъ, отказалась отъ Каратаева, котораго страстно любила. Напротивъ того, Рудинъ, какъ самъ онъ сознается въ письмѣ къ Наташѣ, «просто испугался отвѣтственности, которая *на него* падала», испугался потому, что въ сущности никогда не любилъ Наташи. Но и при непривлекательности той роли, какая досталась ему при свиданіи съ Наташей, Рудинъ сейчасъ же опять находитъ возможность порисоваться въ письмѣ къ Волынцеву. Самъ великодушно извѣщая его, что онъ уже больше ему не соперникъ, Рудинъ ублажаетъ свое самолюбіе фразами объ *исполненномъ долгѣ*. Не менѣе рисуется онъ и при прощаніи съ добродушнымъ Басистовымъ. Въ сущности разставаясь совсѣмъ не охотно со своимъ положеніемъ божка у Ласунской, онъ воображаетъ себя въ положеніи Донъ-Кихота, уѣзжающаго отъ герцогини, и приводитъ Басистову извѣстныя слова его въ эту минуту: «свобода, другъ мой Санчо, одно изъ самыхъ драгоцѣннѣйшихъ достояній человѣка... Счастливъ тотъ, кому небо даровало кусокъ хлѣба, кому не нужно за него быть обязаннымъ другимъ». И тутъ опять невольно навертывается сопоставленіе съ однимъ изъ крестьянскихъ ти-

повъ въ «Запискахъ охотника». Вспомните «Бирюка», который, состоя сторожемъ барскаго лѣса, поймалъ въ немъ вора и сперва ему связалъ руки, но потомъ, разжалобленный его бѣдностью, выпустилъ его на волю. «Ну, Бирюкъ, ты, я вижу, славный малый», замѣчаетъ на это охотникъ. «Э, полноте, баринъ, не извольте только сказывать»—вотъ простой отвѣтъ Бирюка, сдѣлавшаго, и не безъ опасности для себя, дѣйствительно доброе дѣло, но далекаго отъ того, чтобъ имъ рисоваться. А Рудинъ, совершенно наоборотъ, рисуется, разыгрываетъ героя, только что успѣвъ разыграть весьма незавидную роль. Въ суровомъ, повидимому, Бирюкѣ, совершенно невольно, какъ бы на зло ему самому, вдругъ сказывается мягкая человѣческая натура; что же касается Рудина, то, по крайней мѣрѣ, на этотъ разъ, несомнѣнно правъ Лежневъ, когда на слова Басистова, что Рудинъ—«натура славная», замѣчаетъ: «нѣтъ, именно *натуры* въ немъ и не видно!» И дѣйствительно, она въ немъ совершенно заслонена всякими искусственными наслоеніями, и въ этомъ онъ опять—настоящій тепличный продуктъ чисто барской среды.

Прощальное письмо Рудина къ Наташѣ. — Встрѣча съ Лежневымъ.

Есть, однакоже, минуты, когда Рудинъ не играетъ роли, а говоритъ отъ души и клеймитъ совершенно искренно самого себя, и вотъ тутъ-то онъ особенно напоминаетъ Щигровскаго «Гамлета». Таковъ онъ въ своемъ прощальномъ письмѣ къ Наташѣ. «Природа мнѣ много дала, но я умру, не сдѣлавъ ничего, достойнаго силъ моихъ... Странная, почти комическая моя судьба: я отдаюсь весь, съ жадностью, вполнѣ—и не могу отдаться» (потому

что отдается *только въ воображеніи*). «Я кончу тѣмъ, что пожертвую собою за какой-нибудь вздоръ, въ который даже вѣрить не буду (но который вдругъ очаруетъ его, всѣмъ пресытившееся, ищущее необычайностей, воображеніе). Боже мой! Въ 35 лѣтъ все еще собираться что-нибудь сдѣлать!.. Еслибъ я могъ... побѣдить, наконецъ, свою лѣнь!.. Но нѣтъ, я останусь тѣмъ же неоконченнымъ существомъ... первое препятствіе—и я весь разсыпался!..» Переходя затѣмъ прямо къ своимъ отношеніямъ къ самой Наташѣ, онъ и въ этомъ нисколько не хочетъ обманывать ни себя, ни ее. На этотъ разъ совѣсть говоритъ въ немъ громче, чѣмъ самолюбіе: онъ не пускаетъ въ дѣло нетрудной, повидимому, фразы, что онъ не можетъ себя связывать бракомъ, соединеннымъ съ препятствіями, потому что это могло бы служить помѣхой его общественному служенію. Напротивъ, онъ съ неумолимою откровенностью говоритъ: «еслибъ я, по крайней мѣрѣ, принесъ мою любовь въ жертву моему будущему дѣлу, моему призванію, но я просто испугался отвѣтственности».

Нельзя не замѣтить, что эта способность хотя бы и въ такую только минуту стать совершенно искреннимъ, искреннимъ даже на счетъ самолюбія, заставляетъ насъ видѣть въ Рудинѣ не дурного, въ сущности, человѣка. Извѣстно, что самъ Лежневъ, кромѣ первой, вполнѣ несочувственной его обрисовки, прибѣгаетъ подъ конецъ къ совершенно другой, причемъ Рудину отдается полнѣйшее предпочтеніе предъ Пигасовымъ. Что касается послѣдняго, то хотя мы при этомъ и узнаемъ, что онъ бралъ въ свое время взятки и, при всемъ своемъ отрицательномъ направленіи, льнетъ, не смотря на положительное свое состояніе, къ богатымъ и знатнымъ, все-таки намъ не слѣдуетъ, съ другой стороны, забывать,

что, собственными усиліями выйдя въ люди, онъ не пересталъ понимать нужду, и *крестьяне у него не бѣдствовали.* Прямое указаніе на эту черту въ безсердечномъ на видъ, отрицающемъ все, Пигасовѣ, и полнѣйшее умолчаніе о чемъ-либо подобномъ въ идеалистѣ Рудинѣ, —такое обстоятельство не можетъ не уменьшать въ глазахъ читателя тѣхъ сочувственныхъ сторонъ Рудина, ради которыхъ пьетъ за его здоровье Лежневъ. Послѣ этого менѣе цѣны получаетъ для насъ то, что «если онъ живетъ на чужой счетъ, то единственно какъ ребенокъ, привыкшій, чтобъ его кормили, а не какъ пролазъ, составляющій себѣ состояніе». Но все же и для читателя невольно оказывается даже очень сочувственнымъ Рудинъ, когда онъ уже постарѣвшій, накренившійся, чуть не нищимъ встрѣчается съ Лежневымъ и окончательно располагаетъ его въ свою пользу разсказомъ о своихъ незадачахъ. Попалъ онъ было къ богачу-помѣщику компаньономъ, но, знать, зависимость подобнаго положенія не довольно замаскировывалась благоговѣніемъ патрона къ уму своего кліента, и Рудинъ, на этотъ разъ совершенно искренно, предпочелъ, вмѣстѣ съ Донъ-Кихотомъ, нравственную независимость привольному житью на всемъ на готовомъ. Не выдержалъ онъ и положенія секретаря у благонамѣреннаго сановника, опять-таки потому, надо думать, что уму его приходилось тутъ быть не владыкою, а слугою. Не удалось оказаться зачинщикомъ широко-хватающихъ государственныхъ перестроекъ (а предвкушеніемъ ихъ уже были нововводительскія затѣи его у Ласунской, которыя если и неосуществлялись, то, покрайней мѣрѣ, благоговѣйно ею выслушивались), и вотъ отъ своего, неподдавшагося о руководству, сановника Рудинъ вдругъ перешелъ къ какому-то подобному ему самому фантазеру, захотѣвшему, въ пылу разыгравшагося воображенія, сдѣлать рѣку судоходною—безъ

капитала. Предпріятіе, конечно, лопнуло, и тогда-то, прученный столько разъ, Рудинъ, наконецъ, принялся за дѣло уже совершенно, повидимому, осуществимое, скромное даже, можетъ быть, слишкомъ скромное, на его взглядъ, для его необыкновенныхъ способностей. Онъ сдѣлался учителемъ словесности въ провинціальной гимназіи, и его дѣйствительно рѣдкій даръ слова такимъ образомъ получилъ, наконецъ, вмѣстѣ съ его свѣдѣніями, настоящее жизненное примѣненіе. Понятно, что къ нему крѣпко привязались ученики, и онъ привязался къ нимъ — насколько вообще въ состояніи привязываться *люди воображенія*. Настоящей, сердечной привязанности и тутъ, какъ въ отношеніяхъ его къ Наташѣ, не было. Это мы позволяемъ себѣ усматривать изъ того, что Рудинъ не выдержалъ столкновенія съ гимназическимъ начальствомъ, что самолюбіе не позволило ему сдѣлать въ этомъ отношеніи какія-нибудь уступки—ради гимназической молодежи, чтобы не заставить ее такъ скоро лишиться одушевлявшаго ее учителя.

Не трудно послѣ всего этого заключить, что Рудинъ, согласно его собственному предсказанію, долженъ былъ кончить совершенно особеннымъ, изъ ряду выдающимся, образомъ. И въ самомъ дѣлѣ онъ погибаетъ въ 1848 г., сражаясь на баррикадахъ въ Парижѣ. Точно будто и безъ него не нашлось бы тамъ достаточно дѣятелей, или будто бы у насъ на Руси ихъ черезчуръ уже много.

Но что же, наконецъ, такое этотъ загадочный Рудинъ? Самъ онъ, при послѣднемъ своемъ свиданіи съ Лежневымъ, вполнѣ откровенно, повидимому, высказываетъ свой взглядъ на себя. «Фраза меня сгубила», говоритъ Рудинъ. «Строить я ничего не умѣлъ; да и мудрено, братъ, строить, когда и почвы-то подъ ногами нѣтъ». Такому самоосужденію вполнѣ соотвѣтствуетъ и слѣдующій отзывъ Лежнева: «несчастіе Рудина состоитъ

въ томъ, что онъ Россіи не знаетъ, и это точно большое несчастіе. Россія безъ каждаго изъ насъ обойтись можетъ, но никто изъ насъ безъ нея не можетъ обойтись». Тотъ же Лежневъ вмѣстѣ съ тѣмъ заявляетъ, что Рудинъ у насъ не одинъ, что онъ—вполнѣ типическое явленіе. «Насъ бы очень далеко повело, говоритъ онъ, если бы мы хотѣли разобрать, отчего у насъ являются Рудины». Въ другомъ мѣстѣ, выражаясь очень рѣзко и строго, Лежневъ находитъ, что «Рудинъ, въ сущности—пустой человѣкъ, но вѣдь и всѣ мы—пустые люди». (*Орестъ Миллеръ.* «Русскіе писатели послѣ Гоголя». Чтенія, рѣчи и статьи. Ч. I. Спб., 1886 г.).

„Дворянское гнѣздо".

Подъ какими вліяніями написано Тургеневымъ „Дворянское гнѣздо».—Люди отживающаго помѣщичьяго строя.

Романъ «Дворянское гнѣздо» былъ начатъ за-границей и оконченъ въ Россіи. Онъ написанъ подъ вліяніемъ настроеній, съ полной ясностью отразившихся въ письмахъ Тургенева. Въ воздухѣ носились вѣянія новаго грядущаго общественнаго строя. Старому крѣпостническому порядку грозила смерть. На арену должны были выступить новые дѣятели, новые интересы, новыя условія личнаго развитія русскаго человѣка. Преемственная связь преданій и основъ жизни порывалась. Новая эпоха открыто несла войну своей предшественницѣ. Только-что процвѣтавшія поколѣнія должны были или войти въ новое теченіе, или посторониться, уступить мѣсто другимъ. Тургеневъ понималъ этотъ переломъ, видѣлъ тѣни, исчезавшія предъ лучами вновь возстающаго свѣта, захо-

тѣлъ воплотить эти тѣни въ художественныхъ образахъ и создалъ глубоко-трогательную поэму о томъ, чему суждено было навсегда потонуть въ дали минувшаго. Предъ нами люди отживающаго помѣщичьяго строя. Въ нихъ много душевныхъ свойствъ, достойныхъ гуманной кисти художника, глубокая любовь къ тихой семейной жизни, рыцарское благородство, наивная мечтательность, простодушная лѣнь, весьма поверхностное знаніе дѣйствительной прозы, извѣстная рѣзкость характера, не мѣшающая сердечному отношенію къ людямъ и ихъ горю... Это все воплощается въ симпатичныхъ, часто поэтическихъ образахъ.

Лаврецкій—герой романа.

Лаврецкій — истинный герой русскаго захолустнаго идиллическаго романа, выросшій на старой почвѣ, еще незнакомой съ другими, трудно разрѣшимыми вопросами, не видавшей жестокаго столкновенія безчисленныхъ личныхъ и общественныхъ стремленій и интересовъ, не знавшей всего, что должна была внести великая реформа въ патріархальную жизнь дворянства... Не мало личныхъ чувствъ автора мелькаетъ на страницахъ романа. Тургеневъ самъ признается, что образъ Лаврецкаго жилъ въ его душѣ одновременно съ личной тоской одиночества, съ мечтами о семьѣ. Въ романѣ описано свиданіе Лаврецкаго съ старымъ товарищемъ. Товарищъ укоряетъ Лаврецкаго въ лѣни, въ томъ, что онъ байбакъ, проводитъ жизнь въ какомъ-то млѣніи скуки, не умѣетъ найти плодотворной дѣятельности. Лаврецкій защищается слабо, отдѣлывается острословіемъ отъ самыхъ рѣзкихъ упрековъ Михалевича. Одинъ изъ этихъ упрековъ особенно любопытенъ. «И когда же, гдѣ же вздумали люди обай-

бачиться? — кричалъ «полтавскій Демосѳенъ»: у насъ! теперь! въ Россіи! когда на каждой отдѣльной личности лежитъ долгъ, отвѣтственность великая передъ Богомъ, передъ народомъ, передъ самимъ собою! Мы спимъ, и время уходитъ; мы спимъ...» Не слышится ли въ этой страстной рѣчи мучительное сознаніе автора, что первое сословіе государства вяло или прямо враждебно отзывается на благородныя намѣренія власти? Можетъ быть, здѣсь звучитъ также отголосокъ жалобы автора на то, что онъ самъ не умѣетъ наполнить свою жизнь значительной дѣятельностью. Можетъ быть, все это объясняетъ намъ изумительную энергію творческой работы Тургенева въ эту эпоху. Едва вышло «Дворянское гнѣздо», въ умѣ автора готовъ уже слѣдующій романъ, и ровно черезъ годъ было окончено «Наканунѣ».

Необыкновенный успѣхъ „Дворянскаго гнѣзда“ въ публикѣ и печати.

«Дворянское гнѣздо» появилось въ 1859 году. Впечатлѣнія публики на этотъ разъ превзошли ожиданія автора и его друзей, хотя они единодушно одобряли романъ. Анненковъ, ближайшій свидѣтель событій и признанный самимъ Тургеневымъ цѣнитель его произведеній, сообщаетъ объ единогласномъ сочувствіи, восторгѣ и увлеченіи, которые вызваны были появленіемъ «Дворянскаго гнѣзда». «На новомъ романѣ автора, — говоритъ критикъ,—сошлись люди противоположныхъ партій въ одномъ общемъ приговорѣ; представители разнородныхъ системъ и воззрѣній подали другъ другу руку и выразили одно и то же мнѣніе. Романъ былъ сигналомъ повсемѣстнаго примиренія и образовалъ родъ какого-то литературнаго trève de Dieu, гдѣ каждый позабылъ на время

свои любимыя мнѣнія, чтобы вмѣстѣ съ другими насладиться произведеніемъ и присоединить голосъ свой къ общей и единодушной похвалѣ». Съ этого времени за Тургеневымъ окончательно установилась слава первенствующаго и любимаго писателя. Тургеневъ сдѣлался популярнѣйшей личностью въ петербургскихъ салонахъ. Молодые писатели признавали его своимъ руководителемъ и наставникомъ. Женщины не щадили словъ—выражать свой восторгъ новымъ романомъ.

Лиза.—Нравственный обликъ ея и мѣсто, занимаемое ею среди тургеневскихъ типовъ.—Религіозность Лизы, какъ результатъ тоски по идеалу.—„Чувство долга“ въ связи съ вопросомъ о личномъ счастьи.

Разберемъ нравственную личность Лизы, оцѣнимъ общественный смыслъ героини и опредѣлимъ ея мѣсто среди тургеневскихъ типовъ. Мы увидимъ, что именно Лизой авторъ ознаменовалъ новую полосу въ своемъ творчествѣ, открылъ фалангу людей, долженствовавшихъ смѣнить отжившія поколѣнія. Героиню, стоявшую на первомъ планѣ въ этомъ ряду, органически отрицавшую старый порядокъ жизни,—авторъ озарилъ всѣмъ блескомъ своего проникновеннаго таланта,—и Лизу привѣтствовали одинаково и *Отцы и Дѣти*. Лиза до такой степени не похожа на своихъ родителей, что ее можно приводить какъ краснорѣчивѣйшее доказательство противъ всякаго закона наслѣдственности. И между тѣмъ все несходство можно свести къ двумъ чертамъ—*мучительно вдумчивая мысль* и *страстно отзывчивая совѣсть*. И онѣ даны Лизѣ природой, никто не заботился развивать ихъ, впечатлѣнія дѣтства нашли воспріимчивую почву. Она была уже серьезнымъ ребенкомъ раньше, чѣмъ Агафья

стала ей разсказывать житія святыхъ. Въ ней рано проснулась восторженная религіозность и еще больше усилила природную чувствительность ко всему ненормальному и ложному въ нравственномъ смыслѣ, довела до крайней степени мучительную жажду душевной и жизненной гармоніи, непреодолимое стремленіе къ подвигу, къ осуществленію таинственнаго, но великаго долга. Въ семьѣ Калитиныхъ одна только религія съ ея подвижниками и мучениками, съ ея призывами въ высшій идеальный міръ, могла удовлетворить смутнымъ, но неотвязнымъ запросамъ мечтательной идеалистики. Лиза по всей справедливости можетъ сказать о себѣ: «я не отъ міра сего» и ея религіозное рвеніе не что иное, какъ результатъ инстинктивнаго отвращенія къ «пѣснямъ земли», т. е. къ нравственнымъ основамъ окружающей дѣйствительности, результатъ тоски по идеалу. Ея пристрастіе къ исторіямъ о чужихъ подвигахъ и страданіяхъ—безсознательная и безмолвная жалоба на свое душевное одиночество среди близкихъ, но совершенно чужихъ людей. Ея наклонность къ одинокимъ думамъ, къ «своимъ мыслямъ» воспитана безпощаднымъ «томленіемъ» въ душевномъ воздухѣ будничныхъ мелочей и неправдъ. Мы невольно о Лизѣ говоримъ лермонтовскими словами изъ стихотворенія «Ангелъ». И не напрасно именно Лермонтовъ воспѣлъ душу, долго томившуюся на свѣтѣ, полную «желаньемъ чуднымъ», среди пѣсенъ земли внимавшую «звуки небесъ». На первый взглядъ, что общаго между задумчивой, пугливой дѣвушкой и грознымъ, мужественнымъ пѣвцомъ «Демона»? А между тѣмъ Лиза и Лермонтовъ характеризуютъ одно и то же нравственное и общественное явленіе. Они оба — воплощенные контрасты своей среды, ея враги во имя нравственной силы, во имя правды и личной свободы. Мотивы ихъ протеста тождественны, много общаго и въ ихъ настроеніяхъ. Дѣтство геніаль-

наго поэта переполнено «грезами души». Онъ «съ начала жизни любилъ угрюмое уединеніе», его волновали смутные образы «при свѣтѣ трепетной лампады образной», и эти образы говорили ему о страданіяхъ, о подвигахъ, о мірѣ, совершенно не похожемъ на дѣйствительность. У юнаго поэта развивается страстное чувство религіозности — обычный плодъ ранняго одиночества и идеалистической мечтательности. Это все черты тургеневской героини. И сходство вполнѣ естественно. Лиза и Лермонтовъ — представители одного и того же поколѣнія «дѣтей», осужденныхъ на роковой нравственный разладъ съ отцами. Сущность разлада для обоихъ одна и та же — и форма протеста должна измѣняться сообразно съ характеромъ, темпераментомъ, энергіей протестующаго.

У Лермонтова негодованіе на лживый свѣтъ, на людскую пошлость и эгоизмъ воплотилось въ могучихъ демоническихъ образахъ, въ пламенныхъ сарказмахъ, въ желѣзномъ стихѣ, «облитомъ горечью и злостью». Это — активная борьба, захватывающая поэта ежеминутно, несмотря на его тоску по одиночеству, на его стремленіе уйти отъ людей «въ пустыню». У Лизѣ нѣтъ демонической натуры, бурнаго генія мужчины, у нея нѣтъ силъ для наступательной войны, но зато она сумѣетъ до конца удержать свое положеніе. Она не будетъ мечтать въ дѣтствѣ о герояхъ-разбойникахъ, ей не являлся «могучій образъ».

Какъ царь нѣмой и гордый,

но и она создала себѣ

Міръ иной

И образовъ иныхъ существованье,

и эти образы также

Не походили на существъ земныхъ...

Для Лермонтова «все было адъ иль небо въ нихъ»,

для Лизы—только небо и страданья только ради небесъ, наслажденія ихъ радостями. Никто не знаетъ объ этихъ образахъ. Лиза живетъ своей, никому изъ окружающихъ непонятной жизнью. У нея, какъ и у Лермонтова, нѣтъ «родной души», и для нея судья — «лишь Богъ да совѣсть». Оба судьи извѣстны семьѣ Лизы и вообще большинству «отцовъ» только съ формальной стороны. Марѳа Тимоѳеевна, лучшая въ этомъ обществѣ, старается умѣрить религіозное рвеніе Лизы по весьма характерному соображенію: «не дворянская, молъ, эта замашка». Но религія Лизы не такъ еще страшна для ея «отцовъ», несравненно страшнѣе «совѣсть», т. е. непреодолимое, жгучее желаніе отдавать себѣ строгій отчетъ во всякомъ личномъ поступкѣ и малѣйшемъ ощущеніи, во всѣхъ фактахъ своей и чужой жизни. Это въ полномъ смыслѣ неподкупный судъ, потому что истина его въ самой натурѣ судьи, неопровержимая критика; потому что она одушевлена идеальнымъ представленіемъ о долгѣ, о неотразимой отвѣтственности за всякое нарушеніе нравственнаго порядка.

У «отцовъ» было не мало гуманныхъ чувствъ и благородныхъ настроеній, но все это оказывалось гораздо чаще романтическимъ прекраснодушіемъ, чѣмъ ясно сознанными правилами жизни. Отцы—«добряки», «золотые люди», «душевные малые»: все это результатъ эстетической культуры, развитой чувствительности, но здѣсь нѣтъ, помимо реальнаго знанія жизни, еще энергіи, твердой принципіальной почвы. О нихъ авторъ говоритъ: они не знаютъ, по какому пути идутъ; о Лизѣ мы слышимъ совершенно другое: «вся проникнутая чувствомъ долга». Это чувство—самый вѣрный мотивъ критическихъ воззрѣній на дѣйствительность, и Лиза инстинктивно направляетъ свою критику на тѣ стороны жизни «отцовъ» какія ей доступнѣе, какъ женщинѣ, — на личныя и

сердечныя отношенія. Прежде всего вопросъ о личномъ счастіи. Лиза на каждомъ шагу видѣла, какъ «отцы» устраивали свое благополучіе въ ущербъ другимъ, какъ часто эгоистичны и слѣпы были ихъ стремленія къ жизненнымъ радостямъ; даже добрая и умная Марѳа Тимоѳеевна являлась патріархальной эгоисткой въ своемъ углѣ. «Отцы» проходили мимо разныхъ мелочей, потому что самые добрые изъ нихъ способны были беззавѣтно отдаться чувству самоудовлетворенія и искренне считать законнымъ личное благо, разъ оно не вызывало бьющихъ въ глаза чужихъ бѣдствій.

Въ Калитинской семьѣ Лиза первая почувствовала настоящій ужасъ предъ жертвами, какими покупается часто удовлетвореніе сильныхъ. Она сердцемъ проникла въ бездну обидъ и неправдъ, прикрывающихъ «тишь да гладь» будничной жизни. Самая идея личнаго счастія стала внушать ей невольное опасеніе. Рядомъ съ этой идеей ей мерещилось непремѣнно чье-нибудь страданіе, какая-нибудь несправедливость. Подобному чувству естественно развиться среди барской сибаритской культуры, построенной на крѣпостничествѣ. Лиза, «вся проникнутая боязнью оскорбить кого-бы то ни было», тщательно вдумывается въ каждое движеніе своей мысли и своего сердца — и шагъ за шагомъ, незамѣтно для себя вырабатываетъ въ себѣ рѣзко отрицательные взгляды на принципы и жизнь «отцовъ».

Любовь—столь простое и заурядное явленіе,—въ жизни «отцовъ» играла первенствующую роль. «Отцы» отдавались любви, будто нѣкоему священнодѣйствію, упивались всякимъ пустякомъ, напоминающимъ предметъ страсти, возводили въ перлъ созданія каждое свое ощущеніе, на самомъ дѣлѣ менѣе всего возвышенное и идеальное. Имъ показалось бы дикимъ разстраивать себя

какими бы то ни было вопросами, разъ въ сердцѣ загорѣлась страсть. Любовь—дѣло момента, и чѣмъ она стремительнѣе, тѣмъ больше въ ней «рыцарства». Мотивы ея или исключительно физіологическіе, или, въ лучшемъ случаѣ, эстетическіе,—отнюдь не нравственные, не человѣческіе, въ лучшемъ смыслѣ слова. Для Лизы немыслима подобная оргія чувственности.

Исторія любви къ Лаврецкому.

Тургеневъ разсказалъ безпримѣрно-глубокую въ психологическомъ смыслѣ исторію любви Лизы къ Лаврецкому. Достаточно было бы этихъ страницъ, чтобы за романистомъ навсегда осталось наименованіе геніальнаго писателя. Надо съ особеннымъ вниманіемъ вчитаться въ каждое слово, чтобы оцѣнить всю силу авторскаго анализа. Для Лизы голосъ ея сердца—не блаженство, какъ это было, для «отцовъ», напримѣръ, ея сентиментальной матери,—а искусъ, новый поводъ къ безконечной вереницѣ трудно разрѣшимыхъ вопросовъ, сомнѣній, мукъ совѣсти. Ее прежде всего вообще пугаетъ возможность полюбить: вѣдь это значитъ быть счастливой,—а возможно ли это безъ ущерба кому бы то ни было, безъ нарушенія идеальнаго нравственнаго порядка? И этотъ вопросъ для Лизы тѣмъ мучительнѣе, что ей суждено полюбить человѣка, уже связаннаго съ другой женщиной. Нужно, слѣдовательно, выяснить свое положеніе относительно этой женщины, возстановить справедливость и всепрощающую гуманность, (что для Лизы одно и то же), между Лаврецкимъ и его женой. Ей страшно, что никогда невиданная ею женщина, т. е. вообще человѣкъ, окажется жертвой искупленія за ея чувство. Вѣдь это значило бы вернуться къ порядкамъ «отцовъ», во

что бы то ни стало завоевывавшихъ себѣ сердечныя радости. Лиза хочетъ чувство любви перенести изъ области романтизма въ область сознательнаго долга, стихійное влеченіе облагородить нравственнымъ идеаломъ. Отсюда ея безконечныя колебанія, ея просьбы къ Лаврецкому—простить жену,—«тайный упрекъ» за то, что онъ обрадовался ея смерти. Для этой чуткой героини долга не проходитъ безслѣдно ни одна мелочь, чуткость часто граничитъ съ болѣзненной нервностью, хотя Лиза живетъ, повидимому, спокойно и ровно. Вы припоминаете изумительныя замѣчанія автора по поводу самыхъ незначительныхъ фактовъ. Лаврецкій пожалъ Лизѣ руку,— это заставляетъ ее задуматься. Ей становится хорошо въ его присутствіи, чувство жалости къ нему невольно говоритъ въ ея сердцѣ, но ей «немножко стыдно», потому что она еще не успѣла разобраться въ своихъ ощущеніяхъ, привести ихъ въ согласіе съ своими нравственными понятіями. Отсюда эти вѣчныя «мнѣ кажется», они свидѣтельствуютъ о напряженной внутренней работѣ, о борьбѣ совѣсти и долга съ влеченіемъ молодости. И упреки совѣсти начинаются у Лизы раньше, чѣмъ она испытала счастье. Ее безпокоитъ мысль даже о покойной женѣ Лаврецкаго, она безсильна разобраться въ себѣ самой,—и предъ нами открылась бы истинная драма, если бы у Лизы не было религіи. Только вѣра имѣетъ силу низводить міръ въ ея душу... И она, подобно геніальному пѣвцу одиночества, въ «минуту жизни трудную» прибѣгаетъ къ молитвѣ. Легко предугадать, что произойдетъ съ Лизой, когда судьба подтвердитъ ея сомнѣнія, покараетъ ее за несовершенный грѣхъ. Уже раньше мысль о смерти—близка Лизѣ. Эта мысль совершенно естественно сопутствуетъ нравственному одиночеству, религіозному экстазу, недовольству окружающей жизнью. Лиза говорила Лаврецкому о смерти прежде, чѣмъ надъ

ними разразился ударъ. Теперь она безъ малѣйшаго сопротивленія отдаетъ себя во власть этой идеѣ, ей необходимо искупить нѣсколько минутъ личныхъ радостей. Она въ законности ихъ сомнѣвалась отъ начала до конца,— теперь сама судьба оправдала ея сомнѣнія, доказала грѣховность ея любви, и Лиза навсегда умретъ для мірскихъ радостей. Она уйдетъ для людей въ пустыню, другими словами—окончательно отвергнетъ существующія основы общества, его нравственность и его дѣятельность. И какъ бы Лиза мало ни говорила, какъ бы неопредѣленны ни были ея слова, мы знаемъ, во имя чего она отрекается отъ «отцовъ». Ея отрывочныя, часто недоговоренныя рѣчи мы можемъ дополнить пламенными излія-ніями поэта. Здѣсь мы найдемъ всѣ основныя черты страданій и сомнѣній Лизы, не найдемъ только «пустыни», хотя она также и поэту безпрестанно является искомымъ идеаломъ. Но у поэта нашлись силы остаться среди людей бойцомъ и героемъ. Лизѣ открытъ только одинъ путь—спасти свой нравственный міръ вдали отъ искушеній и суеты. И уходъ Лизы въ монастырь отнюдь—не менѣе краснорѣчивый протестъ, чѣмъ страстныя филиппики Лермонтова противъ «надменнаго, глупаго свѣта», «важнаго шута», «шума земного».

Моей души не понялъ міръ,—ему
Души не надо..

могла сказать Лиза, если бы обладала склонностью къ краснорѣчивымъ характеристикамъ своей участи.

Да, «отцы», при всей своей чувствительной гуманности и романтической любви къ прекрасному, не знали человѣческой души, ея высшихъ стремленій, не обладали чуткостью къ ея страданіямъ, не сознавали разлада между своими поэтическими настроеніями и удручающей жестокой дѣйствительностью, между благородными замыслами и вопіющими неправдами окружающей

жизни. Они могли уноситься съ Шиллеромъ въ небеса, съ Жанъ-Жакомъ въ миѳическій золотой вѣкъ, устраивать даже фермы, благодѣтельствовать мужикамъ и пребывать въ косномъ невѣдѣніи народной души и народной жизни. И на дѣлахъ и помыслахъ «отцовъ» лежала, кромѣ того, гигантская тѣнь всепоглощающаго, всемогущаго бога любви, бога романическихъ интригъ и трагедій. Лиза возстала противъ этого идола и первая направила на его волшебныя чары идею долга—предъ ближними и личнымъ человѣческимъ достоинствомъ. Для Лизы и этой борьбы было вполнѣ достаточно,—отвергнуть романтизмъ «отцовъ» въ существенныхъ для нихъ вопросахъ любви.

Отношенія Лизы къ народу.

Тургеневъ не могъ приписать Лизѣ какихъ бы то ни было отвлеченныхъ идей о народѣ, но та же нравственная чуткость, та же потребность правды неизбѣжно отразились на отношеніяхъ Лизы къ «простому человѣку». Эти отношенія совершенно другія, чѣмъ у «отцовъ». Лиза умѣетъ говорить съ народомъ и отлично понимаетъ его. «Ей было по душѣ съ русскими людьми; русскій складъ ума ее радовалъ; она, не чинясь, по цѣлымъ часамъ бесѣдовала со старостой материнскаго имѣнія, когда онъ пріѣзжалъ въ городъ, и бесѣдовала съ нимъ, какъ съ ровней, безъ всякаго барскаго снисхожденія». Совершенная новость въ обиходѣ «отцовъ». Тѣ, при всѣхъ своихъ свѣдѣніяхъ по части комитетовъ и машинъ, не умѣли сойтись съ мужикомъ, послѣ пяти минутъ разговора съ нимъ чувствовали себя дурно или «доводили его до истомы», какъ это дѣлаетъ, напримѣръ,

Николай Кирсановъ *) въ роли мирового посредника. Очевидно, вмѣстѣ съ Лизой исчезалъ романтизмъ отцовъ не только въ вопросахъ любви, онъ уступалъ мѣсто жизненной правдѣ, истинно-народническому чувству и въ области общественныхъ отношеній. Не Лизѣ было проложить новые пути въ этомъ направленіи. Но она предвѣщала появленіе другихъ «дѣтей», предназначенныхъ для болѣе широкаго протеста, для болѣе обширной борьбы съ романтическими традиціями «отцовъ». (*Ив. Ивановъ.* «Иванъ Сергѣевичъ Тургеневъ. Жизнь.—Личность.—Творчество». Спб., 1896 г.).

„Наканунѣ".

Инсаровъ и Елена—центральныя фигуры романа.—Своеобразная любовь Инсарова къ родинѣ.

Истинный и великій художникъ, Тургеневъ не могъ въ той или другой мѣрѣ не отдать дани своему времени—увлеченіями въ сторону идей, господствовавшихъ, или, вѣрнѣе, начинавшихъ властно получать господство въ русскомъ обществѣ. Романъ «Наканунѣ» былъ именно такою данью, пріятною современникамъ, но которую потомки могутъ цѣнить уже иначе. Тургеневу, какъ правдивому художнику, не свойственно было изображать тенденціозно выдуманные образы, односторонне и преднамѣренно собирать и соединять въ своемъ произведеніи факты и явленія, имѣющіе доказать предположенную авторомъ заранѣе мысль, и всѣ персонажи романа «Наканунѣ» проникнуты жизненною правдою; съ этой стороны онъ остался истиннымъ художникомъ. Но эти живые,

*) Въ романѣ Тургенева «Отцы и дѣти».

полные правды, образы, говорящіе сами за себя гораздо болѣе, чѣмъ могъ бы сказать словами, а не изображеніемъ самъ авторъ, не свободны отъ извѣстнаго идеальнаго колорита, наложеннаго авторомъ именно только словами, показывающими отношеніе къ нимъ съ его стороны.

Болгаринъ Инсаровъ, центральная фигура романа, имѣетъ значеніе почти идеала. Въ сопоставленіи съ нѣсколькими русскими людьми, по тургеневскому обыкновенію слабыми волею и бездѣльными, хотя и очень талантливыми, какъ, напр., художникъ Шубинъ, Инсаровъ представленъ мощною фигурою, полною страшной энергіи и беззавѣтной преданности патріотической идеѣ. Но въ томъ-то и состоитъ великое значеніе художественнаго образа, что онъ самъ свидѣтельствуетъ о себѣ истину, что бы авторъ ни говорилъ о немъ, въ какія бы краски онъ его ни облекалъ. И если мы вглядимся въ личность Инсарова, впечатлѣніе получится отъ него нѣсколько иное, чѣмъ то, которое навѣваетъ романъ. Въ числѣ положительныхъ свойствъ Инсарова несомнѣнно нужно назвать замѣчательную энергичность. Но энергія его имѣетъ своимъ источникомъ не одну его натуру, но и страшную, безпредѣльную ненависть къ притѣснителямъ его страны, кровавые подвиги которыхъ онъ съ дѣтства видѣлъ своими собственными глазами. Ненависть эту впиталъ онъ въ себя съ молокомъ матери—и въ ней нашелъ свой патріотизмъ, свою любовь къ родинѣ, т. е., собственно, страстное желаніе выгнать изъ нея ненавистныхъ притѣснителей. А это, нужно замѣтить, далеко еще не та святая любовь къ родинѣ, полная безкорыстія и преданности къ ней, которую можно идеализировать, это еще не преданность идеѣ родины. Вообще, неотразимо представляется вопросъ, возможно ли, чтобы изъ такого

злого источника, какъ ненависть, могли возникать незапятнанныя чувства и идеи. Естественнѣ скорѣе отрицательный отвѣтъ, и личность Инсарова оправдываетъ это предположеніе. Онъ суровъ и безпощаденъ, несомнѣнный деспотъ, даже эгоистъ, въ томъ смыслѣ, что передъ его чувствомъ ненависти все должно преклониться, онъ все ей подчиняетъ, и не признаетъ ничего, что пошло бы противъ нея.

Съ тѣхъ поръ, какъ написанъ романъ Тургенева, успѣло много уйти воды въ море жизни, и мы теперь знаемъ, что такое эти суровые и безпощадные «освободители Болгаріи». Современная исторія этой страны даетъ хорошіе комментаріи къ личности Инсарова, къ тѣмъ свойствамъ ея, о которыхъ мы сказали. А затѣмъ, что же мы видимъ въ немъ? Да кромѣ этого—ничего. Въ романѣ Тургенева герой прикрытъ со всѣхъ другихъ сторонъ таинственнымъ покрываломъ: мы не узнаемъ ни свойствъ его ума, ни направленія его мысли, ни свойствъ его сердца и настроенія душевнаго,—ничего, что такъ важно въ характеристикѣ человѣка, что и составляетъ «типъ». Можно, вѣдь, ненавидѣть притѣснителей родины, вслѣдствіе этого быть энтузіастическимъ приверженцемъ освобожденія ея— и оставаться звѣремъ, способнымъ принести той же родинѣ неизмѣримо больше печали, чѣмъ радости. И можно ли этого человѣка возводить въ идеалъ въ странѣ, люди которой съ такимъ беззавѣтнымъ самоотверженіемъ, въ годъ Отечественной войны и позже на крымскихъ берегахъ, жертвовали своею жизнью, кровью и имуществомъ, исключительно въ силу священнаго долга передъ родиной, и умѣли въ то же время проявлять чувство жалости и справедливости какъ къ побѣжденному, такъ и къ побѣждавшему врагу. Каждый русскій солдатъ могъ бы служить Инсарову примѣромъ болѣе возвышенныхъ чувствъ безстрашія и самоотвержен-

ности. И какой смыслъ можетъ имѣть сопоставленіе Инсарова съ художникомъ Шубинымъ, напримѣръ? Положенія ихъ совершенно различны, и дѣятельности ихъ не совпадаютъ. Если бы Шубина облачить въ тѣ же свойства, какія имѣлъ Инсаровъ, дать ему безпредѣльную ненависть къ чему-либо, упорную единственную идею, онъ казался бы среди мирной своей обстановки просто маньякомъ, въ лучшемъ случаѣ—лицомъ комическимъ. Если же въ немъ, дѣйствительно, присутствуютъ и слабость воли, и чрезмѣрная русская уступчивость, и вѣчное недовѣріе къ своему же собственному дѣлу, и слишкомъ мирное увлеченіе своимъ художествомъ, то какое же все это имѣетъ отношеніе къ Инсарову съ его идеями? Елена, конечно, могла отвертываться отъ подобныхъ ему и предпочитать Инсарова—это ея дѣло, но правда не на сторонѣ Инсарова и Елены.

Елена—другая центральная фигура романа. Ею авторъ какъ бы говоритъ, что женская любовь, которая почитается такимъ счастьемъ, дается не тому, кто мирнымъ обывателемъ среди маленькаго дѣла проводитъ свою жизнь, а герою, какъ Инсаровъ, хотя геройство этого послѣдняго Елена видѣла близко, по правдѣ сказать, только въ сценѣ съ пьянымъ нѣмцемъ, котораго герой блистательно повергъ въ воду. Дѣло идетъ, при томъ, о любви такой дѣвушки, которая можетъ составить предметъ безпредѣльнаго чувства и дать рѣдкое счастье. Такъ, по крайней мѣрѣ, выходитъ по всему смыслу романа.

Типическія черты въ характерѣ Елены.

Елена, дѣйствительно, принадлежитъ къ идеальнымъ русскимъ натурамъ, носящимъ на себѣ въ существенномъ тѣ же многія типическія черты, что и Лиза «Дворянскаго гнѣзда». Основная черта ея характера—все та же безграничная преданность долгу, уничтоженіе передъ нимъ своей личности. Разъ придя къ ясному пониманію, чему она можетъ отдать свою любовь и всю жизнь свою, она не колеблясь уже вступаетъ на тотъ путь, который открывается передъ ней. Но только выросла она среди теченія другихъ, новыхъ идей, принадлежитъ другому времени и другому направленію, и внѣшнія черты ея жизни тѣмъ измѣняются до неузнаваемости. То было время благородныхъ стремленій къ *дѣятельности* въ обществѣ, выростали идеалы «новыхъ людей», которые кореннымъ образомъ должны были отличаться отъ людей обыкновенныхъ. На почвѣ идеализированныхъ представленій о политической жизни Европы, каждый человѣкъ начиналъ считать себя призваннымъ ставить и рѣшать общественные «вопросы», и не только рѣшать ихъ теоретически, но и требовать практическаго примѣненія своихъ мнѣній. Идеальныя стремленія этого рода создали совершенно особыя отношенія къ жизни, къ дѣйствительности. Человѣкъ въ тѣсной сферѣ личной жизни, какъ бы ни была полезною для общества его дѣятельность, уже не считался дѣятелемъ общественнымъ—для послѣдняго необходимы были публичность и широкое, видное для всѣхъ поприще. Это была эпоха широкихъ замысловъ, необъятныхъ задачъ. «Развитые люди» носили въ своихъ головахъ не подлежащія сомнѣнію и критикѣ сѣмена «счастія всего человѣчества», и только на-

иболѣе благоразумные соглашались ограничить свои задачи «счастіемъ» своего отечества, родной страны. Когда писалось «Наканунѣ», это, конечно, благородное, но дышавшее общественной русской молодостью направленіе еще только назрѣвало, но Тургеневъ, съ обычной своей чуткостью, уже угадалъ его наступленіе, и Елена является въ романѣ уже съ печатью своеобразныхъ особенностей новѣйшихъ идеаловъ и новѣйшей нравственности.

Инсаровъ былъ, повидимому, именно такой человѣкъ, который олицетворялъ собою «новаго» человѣка, общественнаго дѣятеля, казался героемъ. Сфера его дѣятельности была для Елены областью неизвѣстною, частности этой дѣятельности были для нея закрыты, и эта таинственность именно должна была вліять особенно обаятельно, вводила въ область какъ бы «чистой идеи». Будь Инсаровъ вполнѣ открытымъ, со всѣми своими практическими, частными пріемами борьбы, въ которыхъ много было, конечно, элементовъ интриги, вражды, соревнованія и т. п., и въ которыхъ ясно выразился бы для наблюдателя характеръ героя, какъ просто человѣка,— ореолъ чистаго борца за свободу, украшавшій его чело, могъ бы значительно потускнѣть. Но ничего этого не было— и Елена отдала Инсарову безповоротно свое чистое сердце. Былъ тутъ, въ этой любви, и чисто женскій элементъ, допускающій сближеніе Елены съ Наташей въ «Рудинѣ»: она смѣшивала «идеи» и стремленія человѣка съ самой личностью его, тогда какъ можно увлекаться идеями, и совершенно не увлекаться личностью человѣка, исповѣдующаго ихъ. Она, конечно, не знала, что можно проповѣдывать съ полной искренностью и стойкимъ убѣжденіемъ превосходныя идеи, и быть въ то же время человѣкомъ лично дурнымъ и тяжелымъ, неспособнымъ составить ни чье счастье. И Еленѣ, если бы Инсаровъ остался жить, — кто знаетъ? — можетъ быть, пришлось бы перенести горькія разочарованія.

Изъ какого источника исходило увлеченіе Елены Инсаровымъ.

Увлеченіе Елены исходило изъ источника чистаго, можно сказать, что она отдавалась идеалисту и его идеямъ, а не человѣку. Тургеневъ подчеркнулъ это обстоятельство, заставивъ ее послѣ смерти мужа отдаться дѣлу, которому, по ея представленіямъ, онъ служилъ всю свою недолгую жизнь. Такъ и слѣдовало по новому кодексу нравственности, входившему тогда въ моду среди развитыхъ и «новыхъ» людей. По тому же кодексу, носившему печать полнѣйшаго космополитизма и ученій о свободѣ человѣка, она безъ сожалѣнія и безъ борьбы оставила домъ, родину и все, чѣмъ жила до тѣхъ поръ, въ пользу дѣла, въ которое вѣрила. Къ сожалѣнію, Тургеневъ ничего не говоритъ намъ, насколько дѣйствительность оправдала ея вѣру. Мы, однако, знаемъ, что той самой родинѣ Елены, которую она бросила, не найдя въ ней удовлетворенія своимъ стремленіямъ, пришлось пожертвовать жизнью и кровью тысячъ своихъ сыновъ за это самое дѣло, столь дорогое для нея—и снести черную неблагодарность. Такъ исторія опровергла *идеализацію* жизненнаго и съ художественною правдою изображеннаго явленія, столь увлекавшаго Тургенева и его современниковъ (*Арс. Введенскій.* «Общественное самосознаніе въ русской литературѣ». Критическіе очерки. СПБ., 1900 г.).

«Основные элементы творчества Тургенева».

Кто изъ русскихъ читателей не соединяетъ съ именемъ Ивана Сергѣевича Тургенева представленіе о лучшихъ дняхъ своей духовной жизни, о лучшихъ чувствахъ и благородныхъ порывахъ волновавшихъ его! Въ русской литературѣ, богатой великими дарованіями, были поэты, которымъ исторія отведетъ болѣе видное мѣсто, но едва ли кто изъ нихъ съ такою безконечною нѣжностью касался душевныхъ струнъ читателя, вызывалъ такія симпатичныя душевныя движенія. Среди того поколѣнія, которому Тургеневъ былъ сверстникомъ, онъ былъ истиннымъ «властителемъ думъ», съ благородною твердостью и безъ лицепріятія отвѣчавшимъ на вопросы, выроставшіе тогда, и этимъ нелицепріятіемъ, въ концѣ концовъ, даже возстановившимъ противъ себя теоретиковъ и доктринеровъ. Примѣръ—«Отцы и дѣти», и судьба этого прекраснаго произведенія русской литературы. Какъ всякій человѣкъ и всякій поэтъ, онъ, конечно, не могъ избѣжать увлеченій, напримѣръ, въ «Наканунѣ», гдѣ идеализированы лица, быть можетъ, не совсѣмъ заслуживающія идеализаціи. Но и эти увлеченія его носятъ печать такой благородной правдивости и непреклоннаго служенія истинѣ, что изображенія дѣйствительности остаются вполнѣ вѣрными, и увлеченія автора не мѣшаютъ вамъ разглядѣть ихъ настоящій характеръ и историческое значеніе.

Тургеневъ вышелъ на литературное поприще, или, вѣрнѣе, нашелъ въ немъ свою дорогу въ такую эпоху, которая не допускала уже служенія только красотѣ, эстетическимъ побужденіямъ. То непосредственное отношеніе къ жизни, которое въ той же мѣрѣ свойственно

литературѣ каждой страны, каждаго народа, какъ и отдѣльному человѣку въ послѣдовательномъ развитіи его поэтической мысли,—та эпоха, когда для литературы еще «новы всѣ впечатлѣнья бытія», говоря словами величайшаго ея представителя, Пушкина, отошла уже въ историческое прошлое. И Тургеневъ, отдавъ дань отживавшему романтизму въ своихъ стихотвореніяхъ, пошелъ по пути, какой указывало ему время. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ не отказался ни отъ чего и все принесъ съ собою въ литературу, что было прекраснаго и благороднаго въ литературной, поэтической непосредственности предшествовавшаго цвѣтущаго періода. Не даромъ онъ считалъ себя «ученикомъ Пушкина», а не Гоголя и не Лермонтова. Пушкинъ, этотъ величавый геній русской литературы, «на все отозвался сердцемъ своимъ, что проситъ у сердца отвѣта», что вѣчно тревожитъ умъ и чувство человѣка, нисколько не заботясь о томъ, входитъ ли предметъ его вдохновенія въ число временныхъ задачъ и вопросовъ, которыми увлекалась общественная мысль: точно такъ же и Тургеневъ, своею чуткою натурою угадывая общественное настроеніе, большею частью относился къ нему свободно, постоянно отзываясь на тѣ вѣчныя движенія человѣческой души, которыя, какъ поэтъ, онъ носилъ въ самомъ себѣ. И этимъ именно, а не отвѣтами только на вѣянія времени, онъ былъ дорогъ огромному большинству читателей. Тургеневъ былъ прежде всего поэтъ, въ самомъ истинномъ значеніи этого слова, а не пропагандистъ какихъ-либо общественныхъ идей и убѣжденій своего времени.

Это настроеніе и направленіе поэтическаго таланта Тургенева доказывается почти единственною въ своемъ родѣ его любовью къ природѣ, необыкновенно чуткимъ пониманіемъ эстетическихъ вліяній, которыя она обнаруживаетъ на душу человѣка. Помните ли восхититель-

ныя, полныя жизни описанія Тургеневымъ природы Полѣсья? Помните ли чудную картину солнечнаго заката въ «Лишнемъ человѣкѣ», когда его созерцаютъ только что расцвѣтающая женская душа и наивный человѣкъ, самъ безконечно влюбленный въ эту дѣвушку и думавшій въ порывѣ чувствъ ея найти отвѣтъ на свои собственныя чувства? Природа дышала для Тургенева почти живыми чувствами, и когда онъ хотѣлъ изобразить обаяніе страстнаго пѣнія въ «Пѣвцахъ», онъ не нашелъ ничего лучшаго, какъ сравнить его съ впечатлѣніемъ глубоко-поэтической картины, въ которой бѣлая чайка, сидящая на берегу морскомъ, распростираетъ свои крылья навстрѣчу восходящему солнцу. Это сравненіе высказано Тургеневымъ такими мощными, полными поэтической правды, словами, что читатель отдается ему во власть и какъ бы дѣйствительно слышитъ чудные звуки родной пѣсни.

Совершенно то же самое въ сферѣ вообще всѣхъ человѣческихъ чувствъ. Тургеневъ не пренебрегаетъ самыми простыми, ничего въ себѣ не заключающими величаваго или исключительнаго, душевными движеніями. И какими простыми, немногими, и въ то же время многозначительными словами умѣлъ онъ выразить сложное чувство, глубоко трогающее читателя, вызывающее на глаза невольныя слезы. Въ томъ же «Лишнемъ человѣкѣ» есть всего только три строчки, въ которыхъ отражается, однако, цѣлая огромная драма. Мы говоримъ о томъ мѣстѣ, гдѣ Тургеневъ описываетъ ласки «порочнаго» отца, однакоже неизмѣримо больше любимаго сыномъ, чѣмъ «высокодобродѣтельная мать», отъ «добродѣтели» которой никому не живется легче. Помните ли, какъ этотъ «порочный» отецъ ласкаетъ и цѣлуетъ тайкомъ сына своими «дрожащими губами», и какъ, въ теченіе всей своей жизни, сынъ не можетъ вспомнить этихъ сценъ своего дѣтства

безъ того, чтобы рыданія не рвались изъ груди его. Такихъ картинъ, полныхъ жизни, самой простой и обыкновенной, но многозначительной, разсѣяно множество повсюду въ тургеневскихъ произведеніяхъ, представляющихъ именно поэтому неизсякаемый источникъ благороднѣйшихъ впечатлѣній для читателя. И если бы въ произведеніяхъ Тургенева ничего другого не было,—этого одного было бы достаточно, чтобы упрочить за нимъ одно изъ самыхъ выдающихся мѣстъ во всей русской и въ міровой литературѣ.

Въ Тургеневѣ современники его искали и находили, и цѣнили въ то же время и нѣчто иное. Онъ жилъ и дѣйствовалъ въ эпоху, когда, какъ мы сказали, простое, непосредственное отношеніе къ природѣ и жизни было уже поколеблено. Въ обществѣ русскомъ, въ глубинахъ его духовной жизни, совершались перевороты, возникали новыя направленія мысли, нарождались и формировались новые типы людей подъ вліяніемъ развивавшагося въ разнообразныхъ русскихъ слояхъ европейскаго просвѣщенія. Тургеневъ былъ чуткимъ инструментомъ, тотчасъ же звучно отзывавшимся на всѣ подобныя явленія русской духовной жизни. Направленіе умовъ еще только обозначалось, а онъ уже въ яркой картинѣ представлялъ его читателямъ со всѣми его характерными особенностями. Еще нарождался только новый типъ русскаго человѣка, а Тургеневъ уже знакомилъ съ нимъ общество, представлялъ его въ самыхъ характерныхъ чертахъ. Каждый его романъ, каждая повѣсть была для читателей какъ бы откровеніемъ: то, что каждому изъ нихъ случалось встрѣчать и видѣть по частямъ, безъ сознанія его соотношенія къ общей умственной жизни русской, вдругъ выростало передъ его глазами въ сложномъ и прекрасномъ образѣ, который самъ говорилъ о своемъ значеніи въ жизни.

Какое поразительное впечатлѣніе производили на читателей такіе образы, какъ Рудинъ, Базаровъ, Гамлетъ Щигровскаго уѣзда, Лишній человѣкъ и проч., и проч.! Мы, для которыхъ то время стало прошлымъ, уже не можемъ съ полною силою представить себѣ все необыкновенное вліяніе, которое производили на русское общество созданныя Тургеневымъ картины еще скрытаго для обыкновенныхъ глазъ умственнаго движенія въ тогдашней Россіи. Но и для насъ поразительна эта необыкновенная чуткость художника, его поэтическая прозорливость. Если художникъ умѣлъ съ такой силой улавливать еще только нарождавшіяся и крѣпнувшія явленія, то, само собою разумѣется, ему легче было изображать людей обыкновенныхъ русскихъ, съ типическими особенностями въ нихъ русской натуры. И въ произведеніяхъ Тургенева передъ нами русская натура развертывается въ яркихъ образахъ въ самыхъ разнообразныхъ проявленіяхъ, съ своими достоинствами и недостатками.

Величавому таланту такой силы, какою владѣлъ Тургеневъ (художникъ притомъ вдумчивый и проницательный),—такому таланту было бы несвойственно отсутствіе художественнаго такта и художественной мѣры. И его произведенія, дѣйствительно, совершенны въ смыслѣ цѣлостности и законченности: въ нихъ никогда нѣтъ ничего лишняго и ничего недоговореннаго. Притомъ онъ отличается чарующей красотою, силой и образностью языка. Въ этомъ послѣднемъ смыслѣ онъ представляетъ, послѣ Пушкина, почти исключительное явленіе среди великихъ русскихъ художниковъ слова. Онъ зналъ, какъ много значитъ языкъ въ художественномъ произведеніи, и тщательно отдѣлывалъ его, какъ скульпторъ отдѣлываетъ каждую малѣйшую часть своей статуи. Не даромъ Тургеневъ завѣщалъ въ «Стихотвореніяхъ въ прозѣ» — беречь русскій языкъ, какъ великое достояніе русскаго на-

рода. За то, если въ произведеніи Тургенева вы измѣните какое-либо выраженіе, то вы нерѣдко тотчасъ же почувствуете, что мысль, высказанная имъ, измѣняется, теряетъ цѣнные оттѣнки, измѣняетъ свой характеръ. Стройною чредою текутъ мысли Тургенева и такою же стройною чредою сопутствуютъ имъ ихъ образныя формы.

(*Арс. Введенскій*. «Общественное самосознаніе въ русской литературѣ». Критическіе очерки. СПБ., 1900 г.).

Настоящимъ и главнымъ поэтическимъ призваніемъ Тургенева было созданіе художественныхъ образовъ—типовъ, воспроизводящихъ образованную и мыслящую часть русскаго общества отъ 40-хъ до 70-хъ годовъ.

Въ эпоху дореформенную эта часть общества, состоявшая главнымъ образомъ изъ дворянъ-помѣщиковъ, съ небольшою примѣсью «разночинцевъ», представляла любопытное зрѣлище интенсивной духовной культуры, широкихъ умственныхъ интересовъ, сложной и изысканной духовной жизни. Здѣсь складывались натуры и вырабатывались характеры и умы, какихъ впослѣдствіи русская жизнь уже не производила. Никто изъ нашихъ художниковъ не умѣлъ такъ мѣтко и полно воспроизводить характерную и душевную складку «людей 40-хъ годовъ», какъ умѣлъ дѣлать это Тургеневъ. И его произведенія, рисующія дореформенную эпоху и лучшихъ людей ея, имѣютъ значеніе историческаго документа: по нимъ, какъ по мемаурамъ и письмамъ, можно изучать эпоху.

Но они же представляютъ и другой, болѣе долговѣчный интересъ. Я указалъ на большую сложность и изысканность душевной жизни «людей 40-хъ годовъ». Занятые по преимуществу своимъ внутреннимъ міромъ, саморазвитіемъ, разработкою вопросовъ самосознанія и совѣсти, эти люди переживали такія—сложныя и человѣ-

чески-интересныя—душевныя состоянія, которыя невольно привлекаютъ къ себѣ пытливость психолога.

Человѣческая психика развивается своеобразно и прихотливо въ зависимости отъ условій времени, мѣста, класса и т. д. Такія-то условія благопріятствуютъ появленію и процвѣтанію такихъ-то натуръ, умовъ, чувствъ, настроеній, страстей и т. д., другія, напротивъ, приводятъ ихъ въ упадокъ или совсѣмъ устраняютъ, а вызываютъ къ жизни совсѣмъ иные уклады и процессы душевной жизни. Исторія человѣчества, съ этой точки зрѣнія, уподобляется какъ бы цѣлому ряду психическихъ лабораторій, гдѣ вырабатываются различные виды, сорты, типы душевныхъ явленій. Души человѣческія и качественно, и количественно различны, и психологу, какъ и художнику, приходится обращаться спеціально къ такой-то эпохѣ, такому-то народу, классу или иному общественному слою, чтобы найти ярко выраженные образчики интересующаго его психическаго явленія. Иные душевные процессы, какъ въ сферѣ мысли, такъ и—чувства, навсегда исчезли вмѣстѣ, напр., съ античнымъ міромъ и средними вѣками. Другія исчезаютъ на нашихъ глазахъ вмѣстѣ съ остатками былой европейской аристократіи. Буржуазія принесла съ собою много новыхъ психическихъ процессовъ, разнаго значенія и достоинства; ея разложеніе сопровождается опять-таки душевною перестройкой людей. Восходящая демократія создаетъ новый, до-толѣ невѣдомый, строй души, новый укладъ мысли, чувства и воли.

Дореформенная мыслящая Россія создавала, какъ я уже сказалъ, своеобразныя душевныя явленія, въ ряду которыхъ на первый планъ выдвигаются умственная жизнь и нравственныя томленія «мыслящихъ господъ», психологія „лишнихъ людей“, тонкая и изящная разработка чувствъ, слабость дѣйствующей воли, особый видъ

„обломовщины“, наконецъ, утонченное развитіе женской психологіи.

Въ произведеніяхъ Тургенева все это художественно увѣковѣчено и, въ поэтической переработкѣ, получило интересъ общечеловѣческій. И его лучшія созданія представляютъ собою опытъ постановки и рѣшенія извѣстныхъ психологическихъ задачъ, имѣющихъ значеніе общечеловѣческое, но изучаемыхъ на матеріалѣ, представляемомъ русскою жизнью. Таковы въ особенности его женскіе типы.

(Проф. Д. Н. Овсянико-Куликовскій. „Этюды о творчествѣ И. С. Тургенева“. СПБ., 1904 г.).

7 APR 1943

2010515745